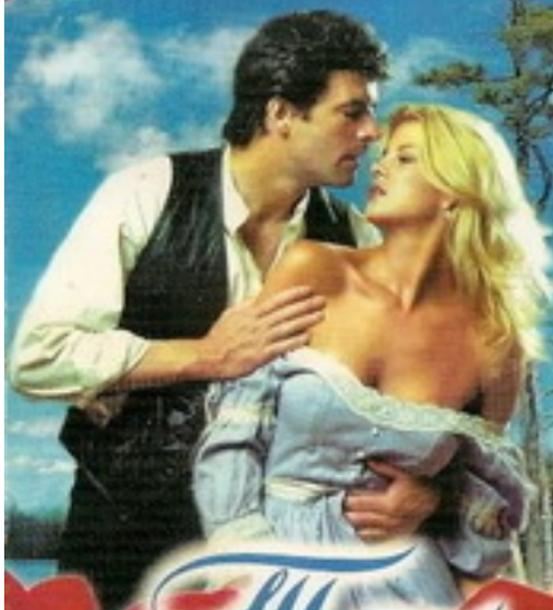

Синдром

ДЕБРА
МАЛИНЗ

Шри Ноди

СИНДРОМ

Дебра Маллинз

Три ночи

OCR Dinny

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160184

Три ночи: АСТ, Люкс; Москва; 2005

ISBN 5-17-030107-3, 5-9660-1530-9

Аннотация

Прекрасная, как ангел, Эвелин Стоддард принадлежала Люсьену Дюферону лишь три ночи – но страсть к этой женщине осталась в его душе навсегда. Теперь, пять лет спустя, Люсьен возвращается в Лондон, чтобы отомстить врагам, вырвавшим его из объятий возлюбленной, – и любой ценой отыскать ее. Никакие преграды не в силах отобрать у Люсьена мечту об Эвелин и надежду на счастье...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	56
Глава 5	76
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дебра Маллинз

Три ночи

Моей сестре Кетлин Маллинз-Энберг, которой принадлежит идея книги.

Спасибо за то, что ты есть.

А также Эрику Малдонадо.

Уж из тебя-то мы сделаем сочинителя любовных романов!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Корнуолл

Ноябрь 1810 г.

Эвелин пристально разглядывала темные каменные степы поместья Торнсейт, нервно теребя ткань своего плаща тонкими пальцами, которые вдруг стали ледяными, но вовсе не из-за обычного для конца ноября холода.

Все говорили, что хозяин поместья – человек бездушный. Что он холоден и жесток. Что рос он с клеймом незаконно-рожденного сына герцога, однако, будучи избалованным богатством отца, который его признал, превратился в черство-

го и циничного монстра.

Эвелин хотелось надеяться, что в этом человеке все же есть что-то хорошее, хотя бы и спрятанное глубоко внутри.

Часы в доме пробили одиннадцать раз. Шепча про себя молитву, Эвелин направилась по длинной извилистой подъездной дороге к особняку.

Люсьен Дюферон с бокалом французского коньяка в руке развалился в мягком кресле у камина. Он рассеянно смотрел на огонь в ожидании приближающегося рассвета. Когда он подносил бокал к губам, большой рубин на его пальце вспыхивал, отражая свет пламени.

Люсьену начинали надоедать эти условленные встречи на исходе ночи.

Он задумчиво повертел в руке бокал с коньяком и откинулся на мягкие темно-красные подушки кресла. Каждый такой утренний поединок развивался по одному и тому же сценарию. Он появлялся. Он стрелял. Он побеждал. Всегда одно и то же.

Может быть, следовало бы нанять кого-нибудь для участия в дуэлях от его имени? По крайней мере, в этом случае результат не был бы столь определенным. Мрачно усмехнувшись, Люсьен опустошил бокал.

Послышался стук в дверь. Люсьен нахмурился. Слуги знали, что накануне дуэли он предпочитал уединение.

– Входи, будь ты проклят.

Дверь со скрипом отворилась, и в ней показалось лицо его дворецкого, Стейвенса.

– Прошу прощения, сэр, но здесь леди, она хочет вас видеть.

– Леди? – усмехнулся Люсьен. – Не помню, чтобы ты прежде воспринимал Шарлотту как леди.

Дворецкий покраснел при упоминании имени любовницы Люсьена.

– Это не миссис Эверстон, сэр. Это молодая леди, она отказывается назвать свое имя.

– В самом деле? – Вопросительно изогнув кустистую черную бровь, Люсьен наполнил опустевший бокал из стоявшего рядом на столике графина. – Не так-то часто леди появляются в Торнсгейте, а, Стейвенс? – Он закрыл графин пробкой. – Проведи ее сюда.

– Как вам будет угодно, сэр.

Дворецкий удалился, а чуть позже в комнату вошла женщина в темно-синем плаще. Лицо ее скрывала тень от надвинутого капюшона; видны были только руки, вернее, нервно цепляющиеся за складки одежды пальцы. На секунду подняв голову, она огляделась вокруг, и из-под капюшона выбился блестящий локон.

Люсьен, движимый любопытством, медленно поднялся с кресла.

Гостья непроизвольно отступила назад, что вызвало его улыбку. Его внушительная фигура нередко действовала на

людей устрашающе; это особенно помогало ему в юности, когда в школе мальчикам из добропорядочных семей приходило в голову поиздеваться над внебрачным сыном герцога Хантли. Люсьен заставил их уважать себя благодаря своему огромному росту и готовности пустить в ход кулаки.

И он вынуждал их бояться его.

Однако ему не хотелось, чтобы эта загадочная молодая женщина боялась его. Совсем наоборот. Наклонив голову, он промолвил:

– Я Люсьен Дюферон. Чем могу быть вам полезен?

Он ощутил ее нерешительность по тому, как она замерла. Затем незнакомка медленно разжала стиснутые руки и откинула капюшон.

Он сразу ощутил влечение к ней...

Волосы с мягким медовым отливом поблескивали в отсветах огня, их красоту не мог скрыть даже слабый узел, и который они были завязаны. Тонкие пряди прикрывали уши и щекотали ее шею. Высокие скулы, тронутые легким персиковым отливом, выглядели нежными, как лепестки цветка.

Люсьен обратил внимание на ее подбородок с маленькой ямочкой и на полные сочные губы и тут же представил себе, что губы этой искусительницы касаются различных частей его тела. Его естество тут же напряглось, и он попытался прочесть в ее взгляде намек на то, что она это заметила. Причудливые зеленые глаза в окружении золотистых ресниц настороженно следили за ним.

Захваченный врасплох этой неожиданной, но отнюдь не неприятной волной вождения, он, тем не менее, ободряюще улыбнулся и снова спросил:

– И все же, очаровательная леди, чем я могу быть вам полезен?

В интонации Люсьена угадывался определенный намек, но его гостя либо была слишком неискушенной, либо попросту проигнорировала это.

– Я пришла к вам, мистер Дюферон, по исключительно неотложному делу.

– Вот как? – Он указал на другое кресло. – Присядьте, ведь так нам будет удобнее обсуждать ваше неотложное дело.

Она помедлила в нерешительности, настороженно следя за его движениями, словно ожидая, что он может в любой момент наброситься на нее.

Сообразительная девушка. Люсьен вновь улыбнулся.

– Прошу вас, садитесь.

Опасливо косясь на Люсьена, она скользнула мимо него в направлении кресла. Когда она проходила, его руки оказались на ее плечах. Девушка испуганно выдохнула и резко повернулась; ее плащ оказался в его руках.

Именно этого он и добивался.

– Позвольте взять ваш плащ? – спросил Люсьен тоном радушного хозяина.

Девушка сглотнула перехвативший горло ком и кивнула:

– Да, благодарю вас.

Люсьен отвернулся и положил ее плащ на стоявшее рядом канапе. Теперь он уже не улыбался. Боже правый, ее тело просто создано для мужских ласк. Для его ласк.

Повернувшись к незнакомке, Люсьен жестом предложил ей сесть. Она послушно повернулась к креслу, и он прикрыл глаза, не в силах смотреть на нее. Строгое зеленое платье с искусной вышивкой, окаймлявшей высокий вырез и подол, не могло скрыть роскошную грудь, тонкую талию и крутые линии бедер.

Люсьен сжал пальцы в кулаки, сдерживая свой порыв обнять ее. Она была воплощением сексуальности.

Девушка, словно юная послушница, присела на самый край кресла, сложив руки на коленях:

– Позвольте поблагодарить вас, мистер Дюферон, за то, что приняли меня.

– Уверяю вас, для меня это огромное удовольствие. – Люсьен разжал наконец кулаки и сел. Лишенный возможности прикасаться к ее коже, он непроизвольно поглаживал гладкую парчовую обивку кресла. – И все же – какое дело могло оказаться столь срочным, что такая очаровательная дама, рискуя своей репутацией, поздно ночью навещает мужчину?

Девушка покраснела.

– Понимаю, что мое поведение крайне предосудительно, но поверьте, сэр, предпринять этот шаг меня вынудили исключительно серьезные обстоятельства.

Люсьен понимающе кивнул:

– Не сомневаюсь.

Гостья сделала глубокий вдох, предоставив Люсьену возможность полюбоваться отчетливо просматривающимися очертаниями очаровательного бюста, и сказала:

– Меня зовут Эвелин Стоддард. Я пришла просить вас не убивать лорда Чезвика.

Ее поразило, как исказились черты лица Люсьена.

– Вот как, – процедил он ледяным тоном. – Так вы его жена?

Девушка гордо вздернула подбородок:

– Я его дочь.

– Его дочь. – Губы Люсьена искривились в злой усмешке, а в темных глазах появился проблеск заинтересованности.

Эвелин пробирала дрожь, но она держалась. Она ведь знала, что ей будет нелегко, Люсьен Дюферон не принадлежал к тому типу мужчин, что легко прощают. Все в нем пугало ее: от высокого роста до откровенно чувственных резких черт лица. Эти широкие плечи и большие руки, которые, казалось, могли крушить камни. Темно-карие глаза, густые черные брови и гордый римский нос, наверное, достались ему в наследство от матери-француженки, поскольку он совершенно не был похож на своего отца – герцога Хантли.

По слухам, Дюферон обладал потрясающим умом, при желании мог быть невероятно обворожительным, а еще он был метким стрелком.

Последнее обстоятельство особенно тревожило Эвелин.

Ее отец, лорд Чезвик, проиграл все, что у них было, до последнего пенни; при этом большую часть расписок он давал именно этому человеку, Люсьену Дюферону, Потеряв голову от проигранной во время последней игры суммы, ее отец обвинил Дюферона в мошенничестве и сегодня на рассвете должен встретиться с этим метким стрелком для выяснения отношений на пистолетах.

Эвелин не должна была, просто не могла этого допустить.

– Ваш отец должен мне крупную сумму денег. – Люсьен взял со столика бокал и сделал глоток, устремив на нее взгляд поверх края бокала.

Она приняла горделивую позу, как учила ее мать.

– Я осведомлена об этом, мистер Дюферон.

– Кроме того, он оскорбил меня. – Люсьен с негромким стуком поставил бокал на место. – Назвал меня мошенником.

– Но он послал вам свои извинения. – Эвелин не смогла скрыть назидательные нотки. – Джентльмен принял бы их.

– Несомненно. – Веселое оживление промелькнуло в лице Люсьена. – Джентльмен принял бы. Но ведь и вы, мисс Стоддарт, и я знаем, что я не джентльмен.

Она вздернула подбородок еще выше.

– Джентльмен – это тот, кто поступает как джентльмен.

– Пожалуй. – С понимающей улыбкой Люсьен довольно долго и внимательно изучал девушку, затем вновь потянулся к бокалу.

Сердце Эвелин оборвалось, но она старалась не показать своего страха.

– Означает ли это, что вы по-прежнему хотите драться с ним?

– Это зависит...

– От чего?

– От вас.

Низкий бархатистый звук его голоса вызывал неожиданно накатывавшие волны дрожи где-то в нижней части ее живота.

– От меня? – насмешливо бросила она. – Каким образом? Ведь не хотите же вы на рассвете встретить меня на месте дуэли?

– Почему бы и нет, мисс Стоддарт, – усмехнулся Люсьен, – если бы для этого вам пришлось остаться здесь на ночь.

Распутник! Прилив горячей крови окрасил ее щеки.

– Я леди, мистер Дюферон, а не театральная танцовщица. Была бы вам весьма признательна, если бы вы вели себя со мной подобающим образом.

– В жизни не следил за своими манерами. – Он вытянул руку с бокалом. – Вон дверь, если угодно.

Эвелин была обескуражена.

– Мы говорили о моем отце и о размере его долга.

– Неужели? – Рассмеявшись, Люсьен допил коньяк и поставил бокал на стол. – Ваш отец, моя дорогая, должен мне три тысячи фунтов. Каким образом вы собираетесь распла-

чиваться?

Три тысячи фунтов! Эвелин побледнела. Как можно проиграть так много? Люсьен помолчал, затем снова спросил:

– Так что же?

– У меня есть деньги, правда, не так много, – призналась она, проталкивая слова через непослушные губы. – Я не ожидала, что сумма окажется столь огромной.

– Не люблю разочаровывать женщин, – медленно растягивая слова, заявил Люсьен. – Но у меня есть расписки вашего отца. Хотите просмотреть их?

Эвелин обреченно махнула рукой:

– Нет, спасибо, мистер Дюферон, я верю вам.

– Не следовало бы быть такой доверчивой, мисс Стоддарт, поскольку мое умение блефовать хорошо известно.

Она облегченно вздохнула:

– Так, значит, сумма не такая большая?

– Отчего же? Именно такая большая, – хмыкнул Люсьен.

– Вас все это просто забавляет. – Эвелин стиснула зубы и сцепила руки.

– Да.

– Неужели у вас совсем нет совести, сэр? Обязательно нужно насмеяться надо мной?

– Напротив. – Люсьен настолько откровенно пожирал ее глазами, что у Эвелин перехватило дыхание. – Не вижу ни малейшего повода для насмешки, моя дорогая. Ваша красота совершенно безупречна. А ваша любовь к отцу довольно...

трогательна.

– А мое состояние ничтожно, – вставила она. – И я не могу заплатить вам.

– О-о, вы можете заплатить мне, но, правда, несколько другой монетой.

Эвелин встала.

– Мне не нравятся ваши намеки, мистер Дюферон. Вы принимаете извинения моего отца или нет?

Люсьен задумчиво постучал пальцем по подбородку.

– Возможно. Но остается еще долг в три тысячи фунтов.

Эвелин отвела взгляд от его холеного лица.

– Я знаю.

– Так решайтесь. – Люсьен встал, заслонив своей огромной фигурой свет огня. – Неужели мое предложение действительно так ужасно? Подумайте об отце. Подумайте об изменении финансового положения вашей семьи в случае, если мы с вами договоримся.

Эвелин посмотрела ему прямо в глаза.

– Просто это бремя будет перенесено на мою честь, мистер Дюферон. В любом случае цена слишком высока.

– Три тысячи фунтов – большие деньги, – кивнул Люсьен.

– Но во сколько же вы оцениваете жизнь вашего отца?

Эвелин изумленно приоткрыла рот.

– Вы же сказали, что принимаете его извинения!

Люсьен поднял вверх палец.

– Я сказал, возможно. Еще ничего не решено. Пока ваш

отец все еще должен мне три тысячи фунтов, и я предполагаю встретиться с ним для поединка на пистолетах через... – Он достал карманные часы и сверился со временем. – Приблизительно через семь часов. – Люсьен захлопнул крышку часов.

Эвелин могла только пораженно смотреть на него.

– Легко же вы ко всему этому относитесь, мистер Дюфрон. Неужели для вас так просто лишить человека жизни?

Он пожал плечами.

– Это далеко не первая моя дуэль.

– Не могу сказать того же в отношении вашего предложения. – Эвелин отвернулась. – Жизнь моего отца или моя невинность – такой выбор вы мне предлагаете?

– Вообще-то я не думал об этом в такой плоскости, но, пожалуй, вы правы.

– Не думали? – Она снова повернулась к нему, разгневанная мыслью о том, что этот человек обладает властью, достаточной для того, чтобы заставить ее круто изменить свою жизнь. – Но ведь вы требуете, чтобы ради вас я погубила себя.

Люсьен нахмурился.

– Я так не думаю. Я вовсе не хочу, чтобы вы погубили себя. Кроме того, это не ради меня, а ради вашего отца.

Эвелин принялась перечислять факты, загибая пальцы:

– Вы предлагаете мне провести ночь в вашей постели в обмен на отмену дуэли с моим отцом. Вы также согласны

простить его долг. Однако в какие бы красивые фразы вы это ни облекали, мистер Дюферон, мы оба знаем, что одна проведенная с вами ночь погубит меня в глазах общества.

– Это не совсем так.

– Что не совсем так?

– Это должна быть не одна ночь.

– Что вы хотите этим сказать? – Эвелин подняла руку, протестуя против очередного правдоподобного пояснения. – Не нужно ходить вокруг да около, сэр. Скажите прямо, что вам от меня нужно.

Улыбка Люсьена вызвала у нее желание ударить его по лицу.

– Моя дорогая мисс Стоддарт, будучи столь прекрасной, вы едва ли можете ожидать, что одна ночь с неискушенной девственницей способна возместить и мою поруганную честь, и три тысячи фунтов.

– Вашу поруганную честь!

– Полагаю, что три ночи будут достаточной компенсацией: по одной за каждую тысячу фунтов из долга вашего отца. – Он протянул руку и коснулся локона возле ее уха. – И жизнь вашего отца также будет включена в сделку.

– Три ночи?

– Три ночи. Можете согласиться или отказаться.

Эвелин попыталась трезво оценить ситуацию. Денег на выплату долга у нее не было, игрок-отец изрядно преуспел в этом. И она понимала, что сможет вынудить Дюферона от-

казаться от дуэли, только пожертвовав своей честью. Эвелин закрыла глаза, стараясь скрыть неожиданно подступившие слезы.

– Хорошо, мистер Дюферон, я согласна на сделку.

– К чему этот трагический тон? Это же не смертный приговор. – Люсьен подхватил пальцем скатившуюся по ее щеке слезинку. – Я сделаю все для того, чтобы вы, моя дорогая, наслаждались проведенным со мной временем. Я умею быть нежным.

Эвелин отпрянула, когда он попытался коснуться ее.

– Но я хочу выдвинуть свое условие в отношении нашей сделки, мистер Дюферон. Раз уж это должно произойти между нами, я бы хотела, чтобы мои визиты сюда проходили в тайне ото всех. Никто не должен о них знать. Ни один человек.

Люсьен в раздумье сжал губы, потом пожал плечами.

– Я ничего не выиграю, погубив вашу репутацию. Если вы выполните свои обязательства и не откажетесь делить мою постель в течение трех ночей, у меня не будет никаких причин афишировать наше дело.

Эвелин покорило слово «дело». Однако он, по крайней мере, честен и не пытается замаскировать происходящее воровством пустых обещаний и искусной лжи. Его честность, по видимому, сродни прямолинейности. Значит, не будет никаких разговоров о любви и разбитых сердцах. Дело есть дело.

Эвелин протянула руку.

– Так вы согласны-с моим условием, мистер Дюферон?

Он взял ее ладонь в свою, и Эвелин со странным трепетом наблюдала, как ее кисть целиком укрылась под его пальцами.

– Я хотел бы добавить еще одно условие. Коль скоро мы будем любовниками, зовите меня Люсьеном.

Это совсем просто!

– Люсьен, – согласно кивнув, сказала она. – Я – Эвелин.

Тепло его руки передавалось ее пальцам, Эвелин ощущала это, и что-то замирало у нее внутри. Люсьен придвинулся к ней, и она пересилила желание отстраниться. Если она хочет добиться нужного результата, ей придется привыкать к нему. Эвелин не хотела, чтобы Люсьен передумал и вспомнил о долге. Или, не приведи Господь, о дуэли.

Но он был таким огромным! И таким мужественным, что это приводило Эвелин в смятение. Казалось, возникший в ее теле трепет помимо ее воли сигнализировал о приближении Люсьена. Ей это не нравилось. Она не могла совладать с этим.

Люсьен взял ее лицо в ладони.

– Милая Эвелин, давайте скрепим наше соглашение поцелуем.

Она попыталась сопротивляться.

– Только, пожалуйста, не подумайте, что я намереваюсь нарушить наше соглашение, – прошептала она, заметив промелькнувшую в лице Люсьена озабоченность, – но сегодня я не могу остаться. Ваше согласие принять извинения отца

вызовет волнение дома, и мое отсутствие могут обнаружить.

– Только поцелуй, – согласился Люсьен, – в награду за сохранность здоровья вашего отца.

Эвелин сердито сощурила глаза.

– Продолжая в том же духе, мистер Дюферон, вы рискуете оказаться с укушенной губой.

В глазах Люсьена появился озорной блеск.

– Думаете, я отступлю перед такой угрозой? Мне просто не терпится посмотреть, куда заведет нас ваша жаркая чувственность.

– Вы самый... – Он не дал ей договорить, прильнув к ее устам.

Боже милосердный!

Жар его поцелуя пронзил Эвелин, и она отчаянно вцепилась пальцами в его плечи. Этот Жар расплавил все ее тело, и она могла поклясться, что слышала, как закипела ее кровь. Люсьен обнял ее своими большими руками и прижал к себе, его рот оказался умелым и чувственным. Тело Эвелин осознавало, что находится в руках знатока своего дела.

Ее и раньше целовали. Ну, по правде говоря, однажды. Однако тот мимолетный поцелуй с троюродным братом четыре года назад не шел ни в какое сравнение с тем жаром, который охватил ее, когда Люсьен Дюферон одним прикосновением своего рта чуть не лишил ее чувств.

– Вы все еще намерены укусить меня? – спросил он, явно поддразнивая ее. – Или, может быть, лучше мне укусить вас?

Недавняя угроза сейчас показалась абсолютно дикой. Язык отказывался повиноваться ей, и Эвелин смогла издать только тихий умоляющий стон, когда Люсьен чуть прикусил ее чувственные губы.

– Ответь мне, – потребовал он. – Я жду.

– Да, – едва выдохнула она, когда Люсьен бережно захватил зубами ее нижнюю губу. Сдержанность покинула ее. Эвелин прижалась к нему, капитулируя перед его мастерством, ее тело превратилось в вибрирующую и гудящую от прикосновения виртуоза струну.

Люсьен осторожно прервал поцелуй, продолжая успокаивающе поглаживать плечи девушки, в то время как она пыталась восстановить дыхание и равновесие.

– Нам будет хорошо вместе, Эвелин, – пробормотал он, нежно прижимаясь губами к ее виску. – Вот увидите.

Дрожащими руками Эвелин разомкнула его объятия. Она мысленно переживала те мгновения, когда Люсьен преподал ей первые уроки любовной игры. Неужели после трех ночей в его спальне ей удастся остаться той же, что и прежде?

Однако сделка есть сделка. И от нее сейчас зависит жизнь отца.

– Мне нужно возвращаться домой, – сказала Эвелин, оглядываясь в поисках плаща.

Люсьен подобрал плащ с канопе и помог гостье надеть его. Она накинула капюшон на голову, и Люсьен улыбнулся ей.

– Мой экипаж доставит вас домой.

– Нет, ведь тогда дома узнают, что я уезжала... Люсьен приложил палец к ее губам, призывая к молчанию.

– Доверьтесь мне. Мои слуги привыкли соблюдать осторожность.

Эвелин смутило это напоминание.

– Действительно. Хорошо, мистер Дюферон, в таком случае я воспользуюсь предложенным вами экипажем. В это позднее время на улице слишком темно.

– Я пришлю его за вами завтра ночью, в одиннадцать часов, – предупредил он. – Возница заберет вас в том же месте, где высадит сегодня.

Эвелин кивнула и направилась к выходу, но Люсьен задержал ее, тронув за плечо. Она посмотрела на него. Его взгляд был суровым, в нем сквозил намек на угрозу.

– Не вздумайте отступить от ваших слов, Эвелин, иначе мне придется отступить от своих. Я не колеблясь, отправлюсь в дом вашего отца и потребую обещанное вами.

Эвелин резко отстранилась от него и одарила холодным взглядом.

– Вам нечего беспокоиться, мистер Дюферон. Я выполню свою часть сделки. – Она плотнее завернулась в плащ. – Не забывайте о своих обязательствах.

Высоко подняв голову, Эвелин вышла из комнаты. Люсьен Дюферон не мог припомнить другого случая, когда бы при его общении с женщиной последнее слово осталось за ней.

Глава 2

– Ха-ха! – Лорд Чезвик хлопнул ладонью по столу. Эвелин вздрогнула от звука задребезжавшей посуды. – Я ведь говорил тебе, что это сработает, правда? Говорил, что он примет мои извинения?

– Говорил. – Эвелин намазала кусочек хлеба маслом.

– Ответ пришел вчера ночью, ты уже была в постели. – Ее отец начал нарезать сосиску. – Не хотелось тебя будить, но готов биться об заклад, ты была счастлива утром встретить родного отца живым и невредимым!

– Да, слава Богу. – Эвелин ощутила спазм в животе и положила на тарелку нетронутый кусок хлеба с маслом, так и не приступив к завтраку. – Не знаю, что бы я без тебя делала, папа.

– Ну-ну, любимая. – Лорд Чезвик положил в рот кусочек сосиски, прожевал его и добавил: – Тебе теперь не о чем беспокоиться, моя красавица. Все хорошо, что хорошо кончается.

– Но я беспокоюсь. – Эвелин со стуком опустила приборы на стол и устремила озабоченный взгляд на отца. – Папа, на этот раз ты дошел до того, что тебя чуть не убили. Если бы мистер Дюферон не принял твое письмо с извинениями, мне бы сейчас пришлось заниматься твоими похоронами.

Барон рассмеялся:

– Моя удача не покинула меня, девочка, неужели ты не понимаешь? Дюферон раньше никогда не принимал извинений. Говорю тебе, мне снова везет.

Эвелин опустила глаза и уставилась в свою тарелку, стараясь перебороть вспыхнувшее раздражение.

– Ну-ну, к чему такое лицо? – Отец пухлой рукой погладил ее по плечу. – Знаю, ты недовольна оттого, что никогда не бывала в лондонском свете, а в мае начнется светский сезон. Но теперь, когда ко мне вернулась удача, я обязательно добуду на это деньги!

– Папа, прошу тебя, мне не нужен светский сезон! Нам нужны деньги на еду, на ремонт в доме. На дрова. На слуг.

– Отлично. – Барон откинулся назад, и стул закрипел под тяжестью его тучной фигуры. – На это у нас достаточно денег.

– Нет, папа, денег не будет, если ты не прекратишь играть. Боюсь, скоро нам нечего будет есть.

– Но, любимая, я не допущу этого. Ты же знаешь. – Он одарил ее сияющей улыбкой. – Обещаю, что весной отправим тебя в Лондон, и там ты найдешь хорошего мужа.

– Я не хочу выходить замуж. – Эвелин взяла с тарелки бутерброд и заставила себя проглотить кусок только потому, чтобы не пропадала ценная еда.

– Вздор, юная леди! Конечно же, ты выйдешь замуж. Таков порядок вещей.

– Кто же тогда будет заботиться о тебе? – спросила она,

улыбнувшись.

– Не нужно думать обо мне. Женщина обязана выйти замуж, и тут ничего не поделаешь. Когда ты попадешь в свет, уверен, вокруг тебя будет увиваться целый рой молодых щеголей.

– Может быть, мне встретится кто-нибудь здесь, – сказала Эвелин, пытаясь отвлечь отца от нелепой идеи о лондонском сезоне. – Тогда я смогла бы быть рядом с тобой.

– Пожалуй. – Барон нахмурился. – Только если это не тип вроде сквайра Лофтона.

– Сквайр Лофтон женат, папа.

Барон фыркнул:

– Да, женат, но это не мешает ему околачиваться здесь и тарашиться на тебя телячьими глазами, разве не так? Намерения этого человека далеки от благородных, и я хочу, чтобы ты держалась подальше от него.

– Да, папа.

– Я говорю серьезно, Эвелин. Ты красивая девочка, но без состояния, так что на жениха из верхушки общества рассчитывать не приходится. Конечно, кроме внешности и хороших манер, лучшей рекомендацией является твоя репутация. Береги ее.

– Меня не интересует сквайр Лофтон, – совершенно искренне призналась она.

– Хорошо. – Барон поднялся из-за стола, наклонился и поцеловал дочь в щеку. – Я ухожу к Мелтону, сыграю пар-

тию-другую в вист.

Эвелин укоризненно посмотрела на него:

– Папа!

– Только ради спортивного интереса, дорогая моя. – Барон улыбнулся, что, впрочем, не убедило его дочь. – Я вернусь к обеду.

Эвелин подошла к собравшемуся покинуть столовую отцу.

– Папа, пожалуйста, не играй больше на деньги. Мы не можем себе позволить такие траты.

– Не волнуйся, – ответил барон, не оборачиваясь. – У твоего папы все под контролем.

С этими словами лорд Чезвик вышел из комнаты.

Эвелин смотрела ему вслед с тягостным чувством. Как он может так спокойно пойти играть к лорду Мелтону после всего случившегося? Отец не знал о заключенной ею сделке, но сейчас Эвелин казалось, что, возможно, если бы отцу пришлось скрываться, избегая дуэли с Люсьеном, это бы могло его образумить.

А если бы отец узнал, чем она согласилась пожертвовать, чтобы спасти его жизнь, он сам бы вызвал Люсьена на дуэль, и ситуация вернулась бы к исходной точке.

Со стоном отчаяния Эвелин закрыла лицо руками. Неужели ничто не может остановить его? Что ей делать, если он еще больше погрязнет в долгах? Для ее отца игра была как болезнь, он не мог устоять перед искушением сесть за кар-

точный стол. Не помогло даже то, что они удалились в сельскую местность.

Его одержимость разорит их дотла, если не приведет к чему-нибудь еще более страшному.

Аппетита не было, и Эвелин, скомкав салфетку, бросила ее рядом с тарелкой. Коль скоро отец вознамерился провести день за картами у лорда Мелтона, ей следовало проверить, сколько денег осталось у нее на хозяйство – ведь он, как это часто бывало, снова мог проиграть. Она вышла из столовой и поднялась по лестнице в свою рабочую комнату.

Эта комната когда-то была маленькой спальней, которую Эвелин решила превратить в комнату для рукоделия. Именно здесь она иглой зарабатывала им на пропитание. Озабоченно покачивая головой, она достала ключ и открыла дверь в свои владения. Несмотря на всю любовь к отцу, его беспечность в вопросах заботы о семье вызывала в ней досаду. Все чаще Эвелин казалось, что она – глава семьи, а он ее ребенок.

Была бы жива мать! Будучи дочерью викария, мама, с ее строгими моральными принципами, удерживала мужа от греховных наклонностей. При жизни матери отец был совершенно другим. Это уже после ее смерти он вдруг увлекся карточной игрой, чем почти довел их до нищеты.

Это, собственно, и вынудило Эвелин пойти на сделку с Люсьеном Дюфероном.

В памяти девушки вдруг возникло темноглазое лицо, чув-

ственный рот, искривленный в сардонической усмешке. Ее пробрала дрожь, когда она представила себе, как эти глаза разглядывают ее обнаженное тело, поскольку Эвелин была уверена, что такой циник, как Дюферон, не пощадит ее девическую стыдливость и захочет делать все при свете. Нет, не пощадит. Она нисколько не сомневалась, что он станет охотно рассматривать самые интимные части ее тела, которых до сих пор не видел никто, кроме матери и няни. Не подвергала она сомнению и то, что он будет касаться ее самых постыдных мест, нашептывать всякие эротические гнусности, шокировать обещаниями того, что он предполагает сделать с ней.

А она сделает все, что бы он ни попросил, лишь бы был жив ее отец.

Ниже этажом позвали кого-то из слуг, и Эвелин очнулась. Она вдруг обнаружила, что стоит на лестничной площадке, прислонившись спиной к стене, поскольку едва держалась на ногах. Девушка прерывисто дышала и ощущала учащенное биение сердца. Ей стало стыдно. Вдруг кто-то видел ее в таком состоянии?

Нащупав дверь в свою рабочую комнату, она толкнула ее и, проскользнув внутрь, закрыла за собой. Эвелин прислонилась спиной к двери и приложила руку к колотившемуся сердцу. Каким образом одни лишь мысли о таком грубияне, как Люсьен Дюферон, могли привести ее в такое состояние? Какой стыд! Она должна исполниться решимости для пре-

одоления тех испытаний, через которые ей предстоит пройти сегодня, а не рисовать себе радужные картинки, подобно нетерпеливой невесте перед первой брачной ночью.

Все это из-за леди Сары, решила Эвелин, стараясь привести в порядок свои мысли. Ее лучшая подруга леди Сара Коул, вышедшая недавно замуж, раскрыла наивной Эвелин больше, чем следовало, секретов о брачном ложе. Если бы Сара не заходила так далеко в описании интимных подробностей, Эвелин не дрожала бы при мысли о том, что ей предстоит разделить постель с Люсьеном Дюфероном.

Хотя, с другой стороны, тогда она, наверное, дрожала бы от страха. А так она, по крайней мере, знает, что ее ожидает.

Пытаясь унять учащенное биение сердца, Эвелин сделала глубокий вдох и обвела взглядом комнату, успокаиваясь при виде своего кресла у окна и привычного пейзажа за занавесками. Она прошла к стоящему в углу сундуку.

Опустившись на колени, Эвелин подняла крышку и достала несколько затейливо вышитых изделий. Подняв одно из них к свету, она полюбовалась ровными стежками. Эта вышивка нравилась ей больше других, и она не хотела продавать ее. Что ни говори, только ее искусство вышивания спасало семью от голода. С печальным вздохом Эвелин отобрала два других образчика и закрыла крышку сундука. Похоже, ей пора приступить к работе над новыми изделиями. А пока следует послать служанку с этими вышивками к местной портнихе и выяснить, сколько можно будет за них выручить.

Это был единственный достойный девушки знатного происхождения способ заработать деньги.

Хотя Эвелин сомневалась, что после сегодняшней ночи сможет когда-нибудь снова применить по отношению к себе слово «достойный».

Она проведет с Дюфероном эти три ночи, как он того потребовал, и уступит всем его домогательствам. И это не такая уж большая плата за жизнь отца и сохранение семьи.

А может ведь случиться и так, что в его черной душе теплится искра порядочности и все обойдется без этого сурового испытания...

Снимая кожуру с апельсина, Люсьен раздумывал о том, как ему следует обращаться с Эвелин. Сначала он будет с ней нежен. Ведь она определенно девственница, а ему хотелось полностью насладиться тремя отведенными для нее ночами.

Люсьен сидел за накрытым к завтраку столом, откинувшись на спинку стула. Обдумывая тактику поведения с Эвелин, он отрывал сочные дольки фрукта, клал их в рот и смаковал растекающуюся по языку ароматную сладость. Может быть, следует начать с холодного ужина с вином возле камина? Успокоить ее нервы, рассеять страхи. Люсьен слышал от кого-то, что девственницы, как правило, пугливы. Сам он предпочитал не связываться с ними, чтобы потом не общаться с разгневанными отцами и расчетливыми мамашами.

Однако с Эвелин ничего подобного не предвидится. Он

сможет делать с ней все, что захочет. В его воображении тут же возникли сладострастные видения, и тело сразу напряглось. Ему захотелось, чтобы поскорее пришла ночь.

Именно этот момент выбрал для доклада Стейвенс, который вошел в столовую и объявил:

– Мистер Данте Уэксфорд.

Его лучший друг быстрыми шагами приблизился к столу, и Люсьен положил недоеденный апельсин на тарелку.

– Проклятие! Зачем ты пришел, Данте?

Безупречно одетый в темно-зеленое пальто и песочно-го цвета бриджи, стройный, с рыжеватыми волосами, Данте непринужденно уселся за стол. Отсутствие церемоний свидетельствовало об их давней дружбе.

– Ты что, забыл об игре у Мелтона? Мы же собирались к нему сегодня вечером. Ты даже пригласил меня приехать пораньше сюда, в Торнстейт.

Люсьен пробормотал ругательство.

– Так это сегодня вечером?

Брови Данте взметнулись вверх, в его пронизательных карих глазах сквозило удивление.

– Следует ли понимать это так, что твои планы изменились?

– Да. – Люсьен пожал плечами. – Я забыл о Мелтоне. У меня другие планы.

– Как же, слышал. – Данте потянулся через стол за виноградом и взял небольшую гроздь. – Я заходил в пивную

«Гончая и заяц», а там прошел слушок, что Люсьен Дюфрон, как ни странно, отменил дуэль.

– Ну и что? – Люсьен нахмурился и вернулся к недоеденному апельсину, впившись зубами в очередную дольку.

Данте хмыкнул.

– Мой друг, ты никогда не отказываешься от дуэли. Все это знают. Почему же на этот раз ты сделал это?

Люсьен снова пожал плечами.

– Мне так захотелось.

– Конечно. – Развеселившийся Данте забросил в рот виноградину. – Она, должно быть, очень красива.

Люсьен в ответ только сердито посмотрел на него.

– Ну-ну, только не злись, – примирительно поднял руки его друг с растянутой от уха до уха язвительной ухмылкой.

– Игра у Мелтона обычно идет до поздней ночи. Я просто останусь там до утра, тебя это устраивает?

– Да.

– Все так таинственно, – продолжал насмехаться Данте. – Ну, ладно. Если ты напишешь мне рекомендательное письмо, я отправлюсь к Мелтону один и постараюсь облегчить кошельки джентльменов Корнуолла.

Люсьен сдвинул брови.

– Письмо? На кой черт?

Улыбка сошла с лица Данте.

– Дорогой Люсьен, ты же знаешь, что без твоего августейшего присутствия лорд Мелтон не пустит меня дальше по-

рога.

– Чертовы занудные ханжи!

Жесткое выражение на лице Данте сменилось обычной самоуверенной усмешкой.

– Общество пренебрегло бы и тобой, если бы твой отец не признал тебя своим сыном.

Люсьен горько усмехнулся.

– Очень много хорошего мне дало то, что мой отец – герцог, – произнес он с сарказмом. – Жить в доме Хантли было все равно что в могиле. К тому же я никогда не смогу претендовать на наследство отца.

– И все же его признание послужило тому, что в обществе тебя приняли. Это да еще твой чертов талант утраивать свои капиталы на бирже. – Данте положил еще одну виноградину в рот. – Ведь ту подачку, которую ты все же взял от отца, когда тебе исполнился двадцать один год, тебе удалось превратить в состояние, соперничающее с состоянием Хантли.

– Надеюсь, дорогой Данте, ты не думаешь, что меня принимают только из-за моей удачливости на бирже? – насмешливо поинтересовался Люсьен. – Будь снисходительнее. По-твоему, выходит, что свет общается со мной только для того, чтобы выведать у меня секреты, как делать деньги?

Данте издал сдавленный смешок.

– Разве я мог такое подумать?

– Вот-вот. – Усмехаясь, Люсьен проглотил последнюю дольку апельсина. – Уверю тебя, что дамы из общества пре-

следуют меня не только из-за моего золота.

– Нет, им нужно кое-что другое, но столь же твердое.

Усмешка Люсьена переросла в самодовольную улыбку.

– Завидуешь?

– Едва ли. – Данте покатал виноградину между пальцами.

– У меня на одну дуэль больше, чем у тебя. Мы бы сравнялись, если бы ты не принял извинения Чезвика.

Люсьен дернул плечом.

– Все равно я выиграю пари. Ведь условием было десять дуэлей в месяц, не так ли?

– Так. – Данте наклонился вперед, – У меня восемь, а у тебя семь. Еще до конца недели твои сто фунтов окажутся у меня в кармане.

– Посмотрим. – Люсьен взглянул на карманные часы и поднялся. – Данте, давай разберемся с этим рекомендательным письмом. У меня дела.

– Уверен, что так оно и есть, – ответил Данте. Положив остатки винограда назад в вазу, он встал и вышел из комнаты вслед за Люсьеном. – А что это за дело? Блондинка, брюнетка или рыжая?

Для Эвелин одиннадцать часов наступили слишком быстро.

Ее отец еще не вернулся домой, и она осознавала, что он, скорее всего все еще у лорда Мелтона и, возможно, сейчас ставит на кон все, что у них осталось, до последнего цента.

Выходило, что едва ей удалось спасти отца от одной глупости, как/он ввязывается в другую. Охватившее Эвелин чувство разочарования вызвало желание отказаться от договоренности с Дюфероном.

Но ведь она дала слово! К тому же Эвелин несколько не сомневалась, что этот негодяй исполнит свою угрозу. Он придет к ней домой и потребует, чтобы она выполнила свое обещание.

По крайней мере, отец будет спасен от выяснения отношений с таким стрелком, как Дюферон.

Экипаж находился в оговоренном ранее месте. Держась в тени, Эвелин поспешила к роскошной повозке, оглядываясь через плечо на каждый шорох. Руки и ноги ее дрожали, ей казалось, что она вот-вот упадет. Что, если кто-то заметил, как она уходила? Что, если кто-то забудет тревогу?

Эвелин забралась в экипаж и с тревожно бьющимся сердцем опустилась на великолепное кожаное сиденье. Ей с трудом верилось, что она, Эвелин Стоддарт, дочь барона, в разгар ночи улизнула из дома на встречу с мужчиной. Однако это было так – хотя и не по ее желанию. Ее мать упала бы в обморок, если бы дожидая до этого дня.

Возница крикнул на лошадей, и экипаж тронулся с места.

В памяти Эвелин промелькнули все те неприличные истории, которые ей рассказывала леди Сара. Как поведет себя с ней Люсьен? Сразу же набросится или постарается все сделать красиво, с вином и ласковыми речами? Неизвестно,

что хуже.

Кровь бешено пульсировала в ее жилах; Эвелин прикрыла глаза и, вслушиваясь в скрип колес, постаралась выровнять дыхание. Экипаж катил по грязной дороге, унося ее навстречу судьбе.

Глава 3

Люсьен решил принять Эвелин в гостиной. Он редко пользовался этой комнатой из-за того, что прежними хозяевами дома она была оформлена в женском стиле, и Люсьена это не устраивало. Однако на Эвелин такая комната могла подействовать успокаивающе, поэтому он распорядился накрыть там ужин и разжечь огонь в камине.

Люсьен наполнял вином второй бокал, когда Стейвенс провел Эвелин в комнату.

Она, понятно, не назвала дворецкому своего имени. На ней был тот же, что и накануне, плащ с капюшоном, затемнявшим лицо. Поставив бутылку с вином между двумя полными бокалами, Люсьен кивком головы дал понять Стейвенсу, что тот свободен. Дворецкий покинул комнату, со скрипом закрыв за собой дверь.

Эвелин вздрогнула, услышав этот звук. Она явно нервничала.

– Я отпустил слуг на ночь, – сказал Люсьен. – Никто не побеспокоит нас... не узнает о вашем пребывании здесь.

– Рада, что вы соблюдаете условие сделки. – Дрожащими руками Эвелин откинула капюшон.

Огонь камина озарил ее светлые, цвета меда, волосы и окрасил мягким светом гладкую кожу. В этом свете ее глаза казались темными и бездонными, и было видно, как подра-

гивали ее сочные губы над решительно очерченным подбородком. И вновь ее красота стремительно подействовала на него: Люсьена даже удивило, как быстро он возбудился.

Он страстно желал ее. И сегодня он будет обладать ею.

Однако Люсьен научился терпению еще в юные годы и не без основания гордился своими любовными подвигами, поэтому он не собирался спешить в таком специфическом деле, как приобщение девушки к плотским утехам. Хотя искушение овладеть ею сейчас, немедленно, было велико и могло взять верх над его добрыми намерениями, он заставил себя не торопиться.

– Вина? – предложил ей один из бокалов Люсьен.

Эвелин колебалась.

– Я и трезвая сдержу свое слово.

– Да и мне не хотелось бы, чтобы невинная девушка в моей постели оказалась пьяной. – Люсьен одарил ее самой любезной улыбкой. – Просто я хочу, чтобы вы немного расслабились, Эвелин, но контролировали все свои действия. В противном случае все происходящее было бы оскорбительным для нас обоих.

Девушка нервно вздохнула.

– Простите меня, мистер Дюферон, но мне предстоит это делать в первый раз.

– Я знаю это. И зовут меня – Люсьен.

– Люсьен, – кивнув головой, повторила она. Затем Эвелин шагнула вперед и взяла бокал. – Спасибо, Люсьен.

Он ласково провел пальцами по ее щеке.

– Я не монстр.

Эвелин не отстранилась от его прикосновения, но ее пальцы крепче стиснули ножку бокала. Затем она засмеялась и отпила изрядный глоток вина.

– Монстр? Нет. Мошенник – может быть. Распутник – определенно.

– Не буду с этим спорить. – Люсьен обвел пальцем контур ее уха. – Но я не обижу вас, Эвелин. Я хочу только доставить вам удовольствие.

Девушку затрясло непонятно от чего: то ли от страха, то ли еще от чего-то.

– Дай Бог, чтобы это было действительно так.

– Будет. Но я не тороплю вас. – Люсьен положил руки ей на плечи. – Позвольте ваш плащ.

Эвелин кивнула, и он снял с нее плащ.

На ней было скромное синее платье, которое было бы более уместным для вечернего визита в дом викария, а не для обольщения известного лондонского повесы. Тем не менее, покрой и цвет простого платья подчеркивали юную свежесть кожи и мягкие округлости очень женственных изгибов фигуры.

Она выглядела прекрасной, естественной и соблазнительной, словно сладкий пирог для голодного.

Люсьен отвернулся, чтобы положить ее плащ на кресло и унять томящее влечение к ней.

– Вам нравится вино? – спросил он, вновь поворачиваясь к ней.

– Очень хорошее. – Эвелин сделала еще глоток, не отрывая от него взгляда.

– Если вы голодны, вот еда. – Люсьен махнул рукой в сторону накрытого стола. – Огонь в камине. Непринужденная беседа.

– Чтобы снять мое нервное напряжение? – В ее улыбке угадывалась насмешка. – Ничто не поможет, Люсьен, только утро.

Завороженный тем, как Эвелин произносит его имя, Люсьен не сразу обратил внимание на двусмысленность ее замечания. Затем он истолковал его в соответствии со своим возбужденным состоянием и расхохотался.

– Вы удивляете меня, Эвелин. Вы так просто относитесь к этому. А я сомневался, придете ли вы.

Эвелин серьезно посмотрела на него.

– Я дала слово.

– Да, конечно. Но я редко встречал женщин, которым было бы присуще понятие чести.

– Таких женщин много, сэр. – Вздернув бровь, Эвелин отпила еще вина. – Вероятно, вы общались не с теми женщинами.

– Может быть, и так. – Удивленный тем, что он находит беседу с ней столь же возбуждающей, сколь и ее тело, Люсьен поднял свой бокал. – Вы не ответили на мой вопрос. Вы

голодны?

– Нет. – Эвелин поставила свой бокал. – Если вы не возражаете, я бы хотела обойтись без всех этих утонченных условностей, какими бы милыми они ни казались, и перейти к делу. Похоже, мое воображение рисует больше ужасов, чем обещает действительность.

Несмотря на давно охватившее его возбуждение, Люсьен колебался.

– Вы уверены? Может быть, ваши страхи несколько поулягутся, если мы спокойно продолжим общение за столом?

Эвелин покачала головой.

– По-моему, лучше перейти к делу. Если вы, конечно, не передумали.

– Я не передумал. – Люсьен поставил свой бокал. Ее прямота возбуждала больше, чем самый изощренный флирт. – Я не хочу обижать вас, Эвелин, и не потерплю сентиментальных слез на моей подушке.

Она прищурилась.

– Я никогда не была сентиментальной.

– Право же, вы удивляете меня все больше и больше. – Люсьен подошел к ней и приподнял ее подбородок, вглядываясь в глаза. – Вы девственница?

Эвелин отстранилась от него.

– Конечно. Иначе что я была бы за леди, по-вашему?

– Однако я знал многих незамужних леди, которые не были девственницами.

– Добродетель женщины – это ее единственный настоящий показатель чести. Иначе зачем бы мне отдавать ее вам в обмен на жизнь моего отца? – Губы Эвелин скривились в горькой усмешке, неожиданной для столь юного лица. – Это все, что у меня есть ценного для такого человека, как вы.

Неожиданно возникшее чувство вины заставило Люсьена нахмуриться, но он тут же постарался забыть о нем. Эвелин была права. Все, что у нее было, – это ее добродетель, и она согласилась преподнести ее ему в обмен на жизнь ее отца.

– Если вы не голодны и не находите нужным беседовать, могу я предложить вам еще вина?

– Нет, спасибо. – Она скрестила руки. – Однако если вы хотите, пожалуйста, не стесняйтесь.

– Нет, я хочу не вина. – Люсьен взял ее лицо в ладони и заглянул в ее зеленые глаза. За бравадой девушки он ощутил скрытую неуверенность, хотя она и не отстранилась от него. Люсьен оценил ее храбрость и улыбнулся. – Обещаю, Эвелин, что постараюсь сделать это, насколько смогу, приятным для вас.

Выражение ее лица осталось серьезным.

– Верю, что сделаете, Люсьен, иначе у меня возникнет подозрение, что ваша репутация основывается по большей части на преувеличенных слухах.

Он рассмеялся, оценив ее остроумную колкость.

– У вас будет возможность удостовериться в этом. Давайте пройдем наверх.

– Я, пожалуй, возьму плащ на тот случай, если вдруг здесь все же окажется кто-нибудь из слуг.

Люсьен повернулся, взял с кресла плащ, накинул его на плечи Эвелин и накрыл ее блестящие локоны капюшоном. Затем он предложил ей свою руку. Эвелин взяла его под руку, и он повел ее из гостиной наверх, к своей кровати.

По пути в спальню, куда Люсьен вел Эвелин, ее сердце бешено колотилось. Что это с ней? Ведь она могла бы продолжать игру еще некоторое время; можно бы было задержаться за столом с сыром и вином до раннего утра, оттягивая наступление решающего момента. Но нет, она настроила себя так, что отказалась от приятного общения и побудила повесу затащить ее в свою постель.

Глупая. О чем она только думала?

А думала Эвелин о том, что лучше побыстрее покончить с этим, поскольку ни для нее, ни для него весь этот внешний декор не имел никакого значения. Они ведь не были влюбленной парой, и это даже не было обольщением. Это была просто сделка, и чем скорее она выполнит свои обязательства, тем спокойнее будет чувствовать себя в сложившейся ситуации. Тем более что Люсьен пока выполнял свое обещание, и теперь она должна выполнить свое. Она намерена сделать это наилучшим образом и даже получить удовольствие, если получится.

Теперь пути назад уже не было.

Они никого не встретили ни на лестнице, ни на лестничной площадке, и это свидетельствовало о том, что Люсьен сказал ей правду относительно отсутствия слуг. Даже дворецкий, по-видимому, ушел после того, как проводил ее в гостиную. Но все равно Эвелин была рада, что на ней был капюшон, поскольку Люсьен не мог видеть выражения тревоги, появившегося на ее лице, когда они достигли спальни.

Люсьен открыл дверь, и щелчок замка показался Эвелин началом отсчета нового этапа в ее судьбе. Она обреченно направилась вслед за Люсьеном в очень по-мужски выглядящую комнату и сразу же почувствовала незнакомый ей аромат мужского быта. Еще с порога Эвелин бросилась в глаза главная деталь интерьера – огромная кровать, и она замерла в дверном проеме.

Место заклания ее чести.

– Эвелин. – Люсьен взял девушку за плечи и повернул к себе. – Я не собираюсь набрасываться на вас, как дикое животное. У нас впереди вся ночь.

– Я знаю. Просто...

– Для вас это непривычно. – Он провел пальцами по ее щеке, что показалось ей уже знакомой лаской. – Я могу действовать так медленно, как вы захотите. В сущности, таким образом можно продлить удовольствие.

– А я почувствую удовольствие? – Эвелин заглянула ему в глаза, пытаясь найти там подтверждение. – Или моя роль заключается лишь в том, чтобы неподвижно лежать, подчи-

няясь вашим прихотям?

Люсьен сжал губы и нахмурил брови.

– Вы хотите взять назад свое слово, Эвелин?

– Нет, – ответила она с не менее суровым видом. – Я только интересуюсь, будет ли мне приятно в вашей постели.

Люсьен потянул капюшон с головы Эвелин назад и вниз, плащ соскользнул с ее плеч и опустился на пол у ее ног.

– У меня богатый опыт по части доставления удовольствия женщинам. – Не отрывая взгляда от ее лица, Люсьен провел пальцем от подбородка вниз. – И я использую весь запас своих знаний для того, чтобы заставить ваше тело трепетать в экстазе.

Эвелин онемела, щеки ее полыхнули жаром. Она с трудом сглотнула, когда Люсьен провел пальцем по ее груди. К ее досаде, соски напряглись и превратились в маленькие твердые горошины. Люсьен обратил внимание на это явное свидетельство ее возбуждения и понимающе усмехнулся.

– Вот так. – Другой рукой он начал поглаживать ее затылок и шею. – Вот так, моя голубка. Позволь трогать тебя. Позволь полюбоваться твоим телом.

Умиротворенная ласковым прикосновением его пальцев к ее шее, Эвелин чуть не подпрыгнула, когда другая его рука легла на ее грудь.

– Ш-ш-ш. – Его прикосновение было по-прежнему нежным, мягко ощупывающим через одежду и стискивающим пышную округлость груди. – Мне нравится твое тело, Эве-

лин. У тебя безупречная грудь. – Люсьен наклонил голову и губами пощекотал ее ухо. – Не дождусь, когда увижу тебя... тебя всю.

Неожиданный трепет желания охватил тело Эвелин, и это потрясло ее. Люсьен же, тихо посмеиваясь, продолжал поочередно ласкать то одну, то другую грудь, при этом между поцелуями он подбадривал ее ласковыми словами. Другой рукой он массировал ее шею, снимая напряжение, и, прежде чем Эвелин осознала это, она прильнула к нему, выгнув дугой спину и облегчая ему доступ к своей груди.

Ладонь Люсьена, ласкавшая ее нежное тело, вызывала у нее внутри удивительные, незнакомые ранее толчки. Кожа на руках покрылась мурашками, а затвердевшие соски стали болезненно чувствительными. Появилось странное ощущение между ног, и каждый раз, когда его рука ласкала ее соски, потирая твердые бутончики через туго натянутую ткань, ей хотелось стонать.

Но леди не положено так поступать. Леди...

– О Боже, – прошептала пораженная Эвелин, когда Люсьен ласково поцеловал ее шею в вырезе платья. – Люсьен...

– Доверься мне. – Он тронул языком ее ключицу. – Это лишь начало, Эвелин.

Она вцепилась в его плечи.

– Покажи мне остальное.

Продолжая удерживать ее одной рукой за шею, другой он захлопнул дверь. Вот оно. Пришел конец ее невинности.

Начало женской зрелости.

Грудь Эвелин жаждала его прикосновений, и она вдруг осознала, что выгибается к нему, предлагая себя. Люсьен посмотрел на нее с высоты своего роста, и у нее перехватило дыхание при виде его откровенно голодного взгляда. Эвелин захотелось бежать, однако тут Люсьен обнял ее, прижался к ней всем своим мускулистым телом. Он стал гладить спину девушки, все теснее вжимаясь в нее. Ее кровь пульсировала в бешеном ритме, когда она ощутила все выступы и впадины его сильного тела. Она никогда не оказывалась так близко к мужчине, даже не представляла себе силу и жар мужского тела, так отличавшегося от ее тела и в то же время столь совершенного.

– Поцелуй меня, Эвелин, – прошептал Люсьен, лаская губами ее висок, ее щеку. – Покажи мне, что ты меня хочешь.

Неужели он мог сомневаться в этом? Ей даже не приходило в голову, что такой опытный обольститель, как Люсьен, нуждается в подобном подтверждении. Эвелин заглянула в его глаза и была поражена, обнаружив там ранимость, прячущуюся за откровенным вождением.

– Я действительно хочу тебя, – ответила она, проведя пальцами по его лицу. – Несмотря на те обстоятельства, которые свели нас. О Боже! Я хочу тебя. И ничего не могу с этим поделать.

Из горла Люсьена вырвался низкий рык, и он еще сильнее прижал ее к себе.

– Я не обижу тебя. Я постараюсь, чтобы тебе было хорошо.
Эвелин коснулась пальцем его губ.

– Я надеюсь на это, Люсьен. Только это удерживает меня от бегства. Это и данное мною слово.

– Ты самая достойная из всех женщин, которые мне встречались. Я восхищен твоим характером не меньше, чем твоим телом.

Она замерла.

– Настолько, чтобы отпустить меня?

Люсьен засмеялся, как бы подтрунивая над собой и над ней:

– Я не смогу. Нет, я не смогу этого сделать.

От разочарования Эвелин едва не утратила присутствия духа. Но она тут же выпрямилась и решительно повернулась к Люсьену.

– Я так и думала.

– Поцелуй меня, Эвелин, – снова попросил Люсьен, и на этот раз она встала на цыпочки и прильнула к его губам. Он тут же перехватил инициативу и без слов стал обучать ее всем тем хитрым приемам использования рта, с помощью которых они могли доставлять друг другу удовольствие. Эвелин дрожала, когда Люсьен наконец оторвал свои губы. Голова кружилась, и все благочинные мысли были забыты.

Люсьен взял руку Эвелин и приложил ее ладонь к своей груди.

– Дотронься до меня. Не бойся.

Эвелин задержала руку, чувствуя биение его сердца.

– Я не знаю как.

Люсьен накрыл ее руку своей и провел ее ладонью по бугристым мышцам своей груди.

– Вот так.

Тепло его тела грело ее кожу даже через одежду.

– Так не похоже на мое тело, – прошептала Эвелин.

– В этом вся прелесть. – Люсьен взял ее другую руку и начал пощипывать ее пальцы. – Мужчина и женщина отличаются друг от друга и все же соединяются как две половинки целого, которые, кажется, никогда не разойдутся.

Эвелин нервно сглотнула, глядя на его рот, в то время как Люсьен продолжал пощипывать кончики ее пальцев. Кто ж знал, что у нее такие чувствительные руки?

– Ты восхитительна, я хочу вкусить тебя всю. – Не успела она и глазом моргнуть, как Люсьен вытащил все шпильки из ее головы, и ее медовые волосы каскадом хлынули вниз по спине. А его руки уже занялись застежками ее платья, при этом он впился в ее губы поцелуем, обжигающим, как огонь камина.

Эвелин не издала ни звука протеста. Ее мозг затуманился, а тело наполнилось странным, необъяснимым ощущением. Она отдалась во власть очевидной искушенности Люсьена, изумляясь тому, как он трогал ее, в какие места целовал. Платье упало к ее ногам, и на ней осталась одна лишь тонкая сорочка. Люсьен стянул с нее и сорочку, осыпая ее тело по-

целуями. Его жадный рот поспеивал всюду.

Эвелин даже не успела заметить, как оказалась обнаженной. Люсьен пробудил в ней такой голод к его ласкам, что ее совсем не озаботило то, что свечи не были погашены, и он мог разглядеть ее всю. Эвелин хотела, чтобы он ее видел, и, когда он снова прижался к ней, обхватив своими большими руками ее ягодицы, она чуть не сошла с ума от желания. Он поднял ее, пронес несколько шагов до кровати и уложил спиной на подушки. Эвелин потянулась к нему, но он покачал головой и отступил назад.

– Дай мне поглядеть на тебя. – Люсьен разглядывал ее жадным взглядом, движением плеч сбрасывая сюртук и развязывая модный узел галстука.

Под этим откровенным взглядом щеки Эвелин, окрасились румянцем. Она попыталась прикрыть груди руками, затем заколебалась, раздираемая противоречивыми чувствами – скромностью и желанием.

– Да. – Люсьен с болтающимся на шее галстуком бросил жилет на пол и, подойдя к Эвелин, расположил ее руки так, чтобы она ладонями подпирала свои груди, предлагая их для лучшего обозрения. – Именно так. Оставайся, как есть.

– Люсьен... – Потрясенная Эвелин сделала так, как он просил, хотя никогда до этого не трогала свое тело подобным образом.

– Ты прекрасна. Такая желанная. – Люсьен снова приблизился к ней и мягким движением раздвинул колени, откры-

вая доступ к самой интимной части ее тела. – Да, – пробормотал он, вглядываясь в нее. – Дай посмотреть на тебя.

Эвелин не смогла. Ее охватило смущение, и она с протестующим возгласом сдвинула ноги.

– Нет? – С понимающей улыбкой Люсьен наклонился, чтобы ласково поцеловать ее бедро. Эвелин затрясло от прикосновения его губ. – Посмотрим, как ты отнесешься к этому позже. – Медленно поглаживая ее ногу, Люсьен начал стягивать сапоги.

Затем он встал и, глядя на нее, стал быстро снимать с себя оставшуюся одежду. Когда Люсьен освободился от рубашки, Эвелин изумленно воззрилась на его мощный, покрытый волосами торс. Мышцы рук и груди перекачивались под кожей по мере того, как он освобождался от последних предметов одежды, и наконец ее неискушенному взору предстал внушительных размеров возбужденный орган.

Эвелин закрыла глаза. Леди Сара, должно быть, напутала что-то. Как сможет это поместиться... там?

Кровать прогнулась под весом взгромоздившегося на нее Люсьена.

– Эвелин...

Трусиха. Она заставила себя открыть глаза и посмотреть на него.

Люсьен грустно улыбнулся, в уголках его глаз собрались морщинки.

– Извини. Я слишком тороплюсь, но ты такая отзывчи-

вая... – Он умолк, продолжая оглядывать ее фигуру. – Все время забываю, что ты никогда не делала этого раньше.

Эвелин шумно выдохнула, даже не подозревая о том, что задерживала дыхание.

– Все это несколько потрясает.

– К рассвету ты будешь потрясена еще больше, – подтвердил Люсьен с неприятной ухмылкой.

Испорченный человек. Только так могла она определить выражение его лица. По ее телу пробежала дрожь, но Эвелин не хотела показать Люсьену, что нервничает. Она решила довольствоваться тем, что у него такой богатый опыт в искусстве любви, что он такой привлекательный. Было бы гораздо хуже, если бы ей пришлось принести свою честь в жертву человеку, менее искусному или менее привлекательному.

– Да, надеюсь, ты потрясешь меня, – пробормотала она.

– И доставлю тебе удовольствие, – добавил Люсьен, вытягиваясь рядом с ней на кровати. Его разгоряченное тело прижалось к ней, их ноги переплелись.

– О Боже, – только и смогла прошептать Эвелин, прежде чем их губы слились в горячем долгом поцелуе, моментально вытеснившем все мысли из ее головы. Люсьен раздвинул языком ее губы и стал обучать ее наслаждению поцелуя; при этом он гладил рукой ее талию, крутой изгиб ее бедра. Эвелин потянулась к его шее, захваченная волнующим ощущением от соприкосновения ее нежной груди с его волосатым торсом. Он плотно прижался к ней боком, упираясь твердой

плотью в ее бедро. Люсьен был таким большим. Он был со всех сторон. Она оказалась в ловушке. В его власти.

Эта мысль и пугала, и волновала Эвелин.

Его присутствие ощущалось повсюду. Одной рукой Люсьен поддерживал ее голову, другой ласкал бедро, постепенно приближаясь к ее покрытому волосами холмику. Он ласкал языком груди Эвелин, что побуждало ее стонать от незнакомого восхитительного ощущения. Он посасывал, покусывал, он ласкал и дразнил, пока она не откинула голову назад и не раздвинула, сдаваясь под его нежным натиском, ноги. Эвелин с готовностью отдавала себя всю.

Все это время Люсьен бормотал подбадривающие слова, повторял, какая она красивая, какая страстная, какая отзывчивая.

Его рука скользнула меж ее ног и нежно легла на влажные складки. У Эвелин не было времени на проявление робости; интенсивность реакции ее тела на его ласки закружила ее в вихре ощущений. Ласки Люсьена были нежными; мягко целуя ее в губы, он следил за выражением ее лица. Казалось, что он может ласкать ее так всю ночь, но по твердости его плоти Эвелин догадывалась, что он так же страстно, как и она, желает завершить их единение.

Люсьен медленно ввел в нее один палец и в то же время большим пальцем дотронулся до ее самого сокровенного места. Эвелин прикусила нижнюю губу, шире раздвинула бедра и издала протяжный стон, которого никак не ожидала

от себя услышать. Мысленно она снова и снова умоляла его, чтобы он не останавливался, ни в коем случае не прекращал, этого. И Люсьен не останавливался, не вынимал пальца, а осторожно двигал им внутри ее чувствительного лона, нежно-нежно, пока вдруг у нее что-то не взорвалось внутри. У нее закружилась голова, окружающий мир померк, и наслаждение разлилось по всему ее телу, заставив замереть.

Как только Люсьен отнял руку, Эвелин пришла в себя и протестующе застонала. В ответ он тихо засмеялся, затем лег на нее сверху, широко раздвинул ее колени и оказался меж ее бедер. Его плоть оказалась прижатой к входу в нее, но он не спешил, дожидаясь, когда она посмотрит на него.

– Сейчас будет больно, но это скоро пройдет.

Эвелин кивнула. Леди Сара говорила об этом.

Люсьен чуть приподнял ее голову и, впившись в губы жестким поцелуем, начал входить в нее.

Эвелин напряглась от жгучего ощущения его проникновения, стараясь вытянуться как можно больше, чтобы вместить его. Казалось, ему это не удастся. Она вцепилась в плечи Люсьена, желая притянуть его к себе поближе и в то же время оттолкнуть. Внутри была невероятная теснота, как будто что-то препятствовало его проникновению. Затем последовала резкая, жгучая боль, и он полностью вошел в нее.

Эвелин вскрикнула, и Люсьен замер. По-прежнему твердый, он задержался в ней и зашептал на ухо ободряющие слова. Затем медленно начал двигаться, сначала просто осто-

рожно покачивая бедрами. Он опустил руку вниз и стал пальцами дразнить ее чувствительный бутончик, что ранее доставило ей столько наслаждения. Через несколько секунд боль исчезла, и у Эвелин начал пробуждаться аппетит, как у оголодавшего после зимней спячки зверя; она вдруг поняла, что ей нравятся его толчки, она хочет их продолжения, Она хочет его.

От места слияния их плоти жар поднимался вверх по телу Эвелин, и вновь возникла дрожь. Люсьен крепко обхватил ее руками, зарывшись лицом в ее шею, толчки его стали сильнее и учащеннее. Движимая инстинктом, Эвелин раздвинула ноги шире, что немедленно привело к его более глубокому проникновению и усилению этого восхитительного трения. На ее движение Люсьен ответил приглушенным стоном, и Эвелин показалось, что он разбух внутри ее. Еще, да, еще. Ей хотелось снова испытать это чудесное ощущение восторга. Скоро... теперь уже в любой момент...

Вот еще один мощный толчок, и еще один. Затем Люсьен с силой прижался к ней, стараясь остаться в ней как можно глубже, содрогнулся всем телом, и с его губ сорвался хриплый стон.

Эвелин охватил трепет, но затем все прошло. Ей не хватило самой малости, чтобы дойти до желаемого состояния.

Она закрыла глаза, сердце ухало в груди, тело было натянуто словно струна арфы.

Она погладила по плечам и по спине лежащего на ней в

изнеможении Люсьена, получая удовольствие от ощущения тяжести его тела.

Дело сделано, и отныне все будет не таким, как прежде.

Глава 4

Он не закончил начатое.

Пресыщенный, но взволнованный тем фактом, что пережил лучший момент своей жизни в объятиях целомудренной красавицы, Люсьен вдруг с досадой осознал, что не довел ее до оргазма.

Эвелин никак не комментировала произошедшее, а просто лежала под ним, нежно поглаживая его своими маленькими мягкими руками. Любовница Люсьена Шарлотта (или любая другая женщина в такой ситуации) сейчас царапала бы его спину, кричала и требовала удовлетворить ее.

Но Эвелин не была похожа на всех тех женщин, которых он знал.

Люсьен поднял голову и просмотрел на нее. Она робко улыбнулась ему, едва разомкнув губы, в ее взгляде сквозило изумление.

Простая мысль о том, что это из-за него у нее такое выражение лица, вызвала у Люсьена желание снова обладать ею.

– Я кое о чем забыл, – шепнул он.

– О чем? – Ее глаза сохраняли невинность, она продолжала поглаживать его плечи.

– Об этом. – Все еще оставаясь внутри нее в состоянии неполной эрекции, Люсьен, напрягая ягодицы, начал очень медленно совершать круговые движения бедер. У Эвелин

перехватило дыхание, глаза ее округлились от неожиданного удовольствия. – Произнеси мое имя, Эвелин.

И когда он наклонил голову и начал языком дразнить ее сосок, Эвелин выгнулась дугой, прижавшись к нему всем телом, и достигла пика.

– Люсьен! – вскрикнула она. – О Боже, Люсьен.

– Да, – шепнул он и склонил голову к ее шее, умиротворенный ощущением доставленного ей удовольствия.

Ночь пролетела быстро.

Когда сквозь занавеси на окнах просочились розовые полосы рассвета, Эвелин выскользнула из нагретой постели. Она вздрагивала, ступая по полу и подбирая свою одежду.

Даже когда училась ездить верхом, Эвелин не чувствовала себя такой разбитой.

Она взглянула на спавшего мужчину и на мгновение замерла, рассматривая его. Он лежал на животе, простыни жгутами скрутились на его ногах, его обнаженное тело пламенело в золотисто-розовом утреннем свете. Эвелин окинула его оценивающим взглядом: хорошо очерченные мышцы спины, упругие ягодицы, крепкая мускулатура бедер и икр. Никогда в жизни она бы не подумала, что сможет смотреть на обнаженного мужчину, не покраснев от макушки до пят. – И когда тепло все же прилило к ее щекам, одновременно зудящий жар появился между бедер.

Этот испорченный человек вверг ее в разврат!

Три раза. Люсьен овладевал ею три раза в течение ночи, и с каждым разом ощущения были все более захватывающими. Он поворачивал ее так и этак, учил ее разным вещам: Эвелин себе и представить не могла, что их тела способны на такое. У нее голова шла кругом от каждого его прикосновения.

О да, теперь она могла понять, отчего у Люсьена такая репутация. Он заслужил все, что говорилось о нем.

Внизу пробили часы, и Эвелин заставила себя отвернуться от Люсьена. Она должна попасть домой прежде, чем обнаружат ее отсутствие.

Эвелин подошла к бюро и положила на него одежду, затем взяла кувшин и налила воду в чашу.

Она ополоснула лицо, затем, краснея, намочила сорочку и смыла следы проведенной с Люсьеном ночи.

– Тебе помочь в этом? – Даже несмотря на то что голос Люсьена был сонным, слова прозвучали как приглашение. Эвелин повернулась к нему, сжимая в руке мокрую сорочку.

Люсьен все еще лежал на кровати, взгляд его темных глаз из-под припухших век казался ленивым. От игравшей на губах чувственной улыбки исходила страсть, которой не могла не ощутить Эвелин.

– Я... я не знала, что ты проснулся.

– Я почувствовал, что ты уходишь. И я уже соскучился по тебе. – Он медленно обвел ее голодным, жарким взглядом.

О Господи! Эвелин совсем забыла, что не одета! Испуган-

но вскрикнув, она схватила одежду и попыталась прикрыть свою наготу.

Люсьен расхохотался.

Лицо Эвелин пылало от стыда.

– Прекрати смеяться, негодный ты человек!

Комкая в пальцах простыни и зарывшись головой в подушку, он безуспешно пытался перестать смеяться.

– Что это тебя так рассмешило? – теряя терпение, требовательно спросила Эвелин.

– Ты. – Все еще похохатывая, Люсьен поднял голову и вытер выступившие от смеха слезы. – Я дюйм за дюймом разглядывал твое тело, обладал тобой, используя половину известных мне способов любви, а теперь, при свете дня, ты ведешь себя, как целомудренная школьница.

Эвелин округлила глаза и выпалила:

– Только половину? – Люсьен опять разразился смехом. Сгорая от стыда и искренне желая, чтобы под ней провалился пол, Эвелин закрыла глаза.

– Я просто дразнил тебя. – В голосе Люсьена еще слышны были веселые нотки. Зашуршали простыни, скрипнула кровать. Люсьен встал.

– Я знаю, – вздохнув, сказала Эвелин и открыла глаза. – Просто я... – Она споткнулась в самом начале фразы, когда опустила взгляд на его торчащую плоть. – Опять? – выдохнула она.

– Это естественное состояние мужчины по утрам. – Лю-

сьен приблизился к ней с широкой улыбкой.

Эвелин попятилась и, отступая, уперлась спиной в бюро.

– Стой, где стоишь, Люсьен. Мне нужно одеться и попасть домой до того, как меня хватятся. Мы можем продолжить это сегодня ночью...

– Сейчас. – Он оперся руками о бюро по обе стороны от Эвелин, лишив ее возможности ускользнуть. Своим бедром раздвинул ее ноги.

– Люсьен, я... – Последовал вздох, потому что Люсьен уткнулся носом в ее шею.

– Что в тебе такого особенного? – пробормотал он, касаясь губами ее кожи. – Мы только встретились, а меня уже так сильно влечет к тебе... – Он забрал у Эвелин сорочку и бросил ее через плечо, в направлении кровати.

– Мне нужно идти, – неуверенно произнесла Эвелин, в то время как Люсьен приподнял ладонями ее груди и стал ласкать соски, которые тут же затвердели. С губ Эвелин сорвалось свидетельствующее о капитуляции восклицание, и она обняла его за шею. – Ты же знаешь, что мне пора.

– Тогда позволь мне поцеловать тебя на прощание. – Подогнув колени, Люсьен вдруг поднял Эвелин так, что ее согнутые в коленях ноги оказались на его плечах, а ягодицами она подпирала бюро.

– Люсьен! – пискнула Эвелин. Затем вздохнула. – Люсьен... – Но он уже вошел в нее.

– Поцелуй меня на прощание, Эвелин, – прошептал Лю-

сьен, начиная с медленных толчков, с которыми она успела хорошо ознакомиться в течение ночи. – Покажи мне, что ты будешь скучать по мне. Скучать по этому.

– Да. – Эвелин посмотрела на Люсьена. Ее поразило в его взгляде явно выраженное чувство собственника. И Эвелин вдруг ощутила над собой власть Люсьена. Каким-то образом сделка превратилась в нечто большее.

Эвелин приникла губами к его рту, отдаваясь во власть поцелуя, который сопровождался возросшим темпом его толчков. Толчки сотрясали бюро, и за спиной Эвелин дребезжали кувшин и чаша. Люсьен поднял ее ноги выше и сильнее прижался к ней, проникая все глубже. Он овладевал ею с неистовством ненасытного человека. Внутри Эвелин нарастало напряжение, и, когда оно достигло апогея, она вонзила ногти в его плечи.

Кувшин опрокинулся.

Чаша съехала с края бюро на пол и разбилась.

Экстаз застал ее врасплох, и Эвелин с криком сцепила руки и ноги за спиной Люсьена. Напряжение с трепетом отпускало ее тело.

Люсьен хрипло вскрикнул, затем прижался к ней, крепко вцепившись в бюро, и содрогнулся, дойдя до финала.

В таком положении они оставались несколько долгих мгновений, затем он отпустил ноги Эвелин, продолжая поддерживать ее, пока она опускала их на пол. Его обмякшая плоть выскользнула из нее, что вызвало ее протестующий

возглас.

Люсьен продолжал сжимать Эвелин в объятиях, их сердца громко стучали в едином ритме, кожа стала липкой от пота. Наконец он тяжело вздохнул.

– Я вызову экипаж.

И на этом закончилась первая ночь их сделки.

* * *

Не стоило им задерживаться так долго.

Эвелин торопливо сбегала по лестнице, слыша позади более тяжелые шаги Люсьена. Солнце уже почти взошло, через час в ее доме поднимется тревога, если слуги обнаружат постель Эвелин пустой.

Вызванный Люсьеном экипаж ожидал у дверей. Вдыхая холодный утренний воздух, лошади фыркали и переступали с ноги на ногу. Эвелин повернулась к Люсьену, не зная, что сказать.

Он улыбнулся, но взгляд у него был отстраненный. Отчужденный. Между ними возникло неловкое молчание. Затем Люсьен взял руку девушки и слегка коснулся губами ее пальцев.

– До вечера.

Эвелин кивнула и направилась к выходу; она была расстроена. Как мог Люсьен быть таким холодным после того, что произошло между ними? Неужели она для него не более

чем удобный случай? Она-то думала, что если эта ночь была такой потрясающей для нее, то и он должен был бы чувствовать нечто подобное. Что и его должно было бы затронуть очарование их близости.

Конечно, глупо так думать. Этот человек – повеса, законченный оболъститель женщин. Лучше ей не забывать об этом.

Эвелин поспешила к экипажу, обеспокоенная быстрым восходом солнца; Она ощущала взгляд Люсьена и, перед тем как сесть в экипаж, не устояла перед искушением оглянуться. Люсьен признательно адресовал ей короткий кивок. Учтиво, но все же сдержанно.

Разочарованная в своих попытках обнаружить рыцаря в сияющих доспехах там, где его определено нет, Эвелин оперлась на протянутую руку ожидавшего лакея и взобралась в экипаж. Едва она откинулась на удобном сиденье и лакей закрыл дверцу, раздался какой-то грохот. Эвелин посмотрела на Люсьена, который вышел из дома, глядя на что-то находившееся вне поля ее зрения.

Она выглянула из окошка как раз в тот момент, когда возница тронул лошадей. Экипаж качнуло, и капюшон соскользнул с головы Эвелин. В тот же миг она поймала заинтересованный взгляд джентльмена, верхом въезжавшего в Торнстейт. Испуганно вскрикнув, Эвелин отпрянула от окна экипажа, успев увидеть выражение досады на лице Люсьена.

Кто этот молодой джентльмен? И теперь, когда он увидел

ее, что скажет ему Люсьен? Нарушит ли он свое обещание держать их отношения в секрете?

Эвелин с колотящимся, как у загнанного кролика, сердцем терялась в догадках относительно своей дальнейшей судьбы. Может быть, она уже на грани публичного бесчестья?

– И кто это изящное создание? – Данте передал поводья заспанному конюху, ловко спрыгнул с лошади и уставился вслед удалявшемуся экипажу.

Люсьен нахмурился.

– Никто. Забудь, что видел ее. – Повернувшись на каблучках, он прошептал назад в дом.

– Забыть ее? Ты что – с ума сошел? – Данте последовал за Люсьеном. – Разве можно забыть такую ангельскую красоту?

– Ты сможешь. Полагаю, ты не прочь позавтракать?

– Конечно.

– Тогда пойдем. – Люсьен шел в столовую, недоумевая, почему у него вдруг испортилось настроение. Отчего он не чувствовал себя расслабленным и умиротворенным, как это обычно бывало после бурно проведенного свидания? Он несколько раз обладал Эвелин в течение ночи, не считая любовной утренней игры. Он должен бы быть удовлетворенным и ленивым, а не раздраженным.

Нельзя сказать, чтобы он был недоволен чем-то. Напротив. Никогда не знаешь, как поведет себя девственница, но Эвелин показала себя в высшей степени способной и стара-

тельной ученицей, хотя ему и пришлось потрудиться над ее девственностью. Люсьен не сомневался, что и в оставшиеся по соглашению две ночи она проявит такое же старание и стремление к наслаждению.

А затем она уйдет.

Люсьен нахмурился. Ему нравилось общение с ней, нравился ее прагматичный подход к их соглашению и предельная честность в соблюдении условий договора. Со стороны Эвелин при потере девственности не было ни сентиментальных жалоб, ни оскорбленных слез. Она знала, чего добивается, и решила без лишнего шума достичь цели.

Люсьен вдруг осознал, что эта девушка нравится ему. Она вызывала в нем не только вожделение, она определенно нравилась ему как личность. По-видимому, именно из-за этого у него такое плохое настроение. Прежде такого не бывало.

Черт возьми! Кажется, он будет даже сожалеть об окончании их связи.

– Ты опять хмуришься, – заметил Данте, когда они вошли в столовую. Он тут же подошел к буфету и взял с большого блюда толстую сосиску. – Что? Твоя божья коровка не доставила тебе ночью удовольствия?

Люсьен выхватил сосиску у друга и откусил половину.

– Я сказал, чтобы ты забыл о ней. Если ты, Данте, хочешь и впредь есть за моим столом, не будь таким занудой.

– Зануда? Я? – Данте уставился на Люсьена круглыми от удивления карими глазами. – Полно, Люсьен! Зови меня раз-

вратником, даже изнеженным глупцом, но никогда не называй меня занудой, прошу тебя.

Люсьен выдавил кривую усмешку и налил себе чашку крепкого кофе.

– Прости, дружище. Ты ни при чем, слишком уж нудно в этой глуши.

– Это я могу понять. – Данте взял тарелку и начал на нее накладывать приготовленные яйца и сосиски. – Тебе все же стоило вчера прийти к Мелтону. Это единственное место в ваших краях, где можно цивилизованно развлечься.

– Ты хочешь сказать, что это единственное место, где играют по-крупному. Это тебя прежде всего и устраивает.

– И это тоже. – Ухмыляясь, Данте сел за стол, поставив перед собой тарелку, полную еды, и с видом очень проголодавшегося человека приступил к поглощению завтрака. – Между прочим, я вчера выиграл.

– Неужели? Очко в твою пользу. – Люсьен сел на свое место во главе стола.

– И я впереди тебя.

– Ненадолго. – Люсьен поднес чашку кофе ко рту, посмотрел поверх нее на Данте и перехватил его взгляд.

– Сначала ты отменил дуэль, а теперь я выиграл в карты. Увидишь, Люсьен, в этом году я выиграю у тебя в общем зачете.

– До конца года еще несколько недель.

– И полагаю, ты надеешься снова выиграть? – Данте зади-

ристо посмотрел на Люсьена. – Ты мог бы остаться впереди, если бы решил включить в счет твою ночную гостью.

Люсьен раздраженно припечатал чашку к столу.

– Оставь, Данте. Это просто вертихвостка, которой я заплатил за ночь, и ничего больше. Она определенно не из тех, кого стоило бы включать в игру.

– Ну, как хочешь. – Данте хмыкнул, подбирая крошки от яйца со своей тарелки. – Хотя, похоже, она здорово отработала, коль скоро ты отправил ее в собственном экипаже.

Люсьен напрягся, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

– По-моему, предосторожность никогда не помешает.

– Ты вспомнил о предосторожности? – Данте залился смехом. – Разве не ты заключал со мной пари на итальянскую графиню? Помнишь, ту, которую мы оба пытались на спор соблазнить?

– И которую мы оба успешно соблазнили. – Люсьен усмехнулся при воспоминании об этом. – Насколько я помню, узнав о пари, она высказала нам за это признательность.

– Точно. – Данте откинулся на стуле и поглядел на свою пустую тарелку. – Определенно, мы с тобой действуем, как пара развращенных мерзавцев. Данте и Люцифер – Дьявольская братия, бич общества.

– Боже правый, Данте! Ты говоришь о нас как о каких-то подонках, – со смехом ответил Люсьен.

– Общество, а не я, обозвало нас Дьявольской братией.

Хотя, по правде говоря, в этом есть доля истины. Лично я помню об одной или даже паре успешных попыток посягательства на целомудрие девиц.

– И я. – В памяти Люсьена тут же всплыла Эвелин, и он в раздражении постарался отодвинуть ее образ подальше в глубь сознания. Женщины все одинаковы и мало чем отличаются друг от друга, как эти скалы вокруг. Но почему же эта храбрая маленькая девушка никак не выходит у него из головы?

Потому что она не такая. При всей ее женской страстности ей присуще достоинство, которое сделало бы честь и мужчине.

К тому же она уже и не девственница вовсе.

– Что? Приятные воспоминания? – лукаво спросил Данте.

Люсьен поспешно стер с лица неволью появившуюся улыбку и неопределенно пожал плечами.

– Не неприятные.

– Может быть, когда она тебе надоест, сообщишь мне ее адрес? – Невинный взгляд Данте не мог обмануть Люсьена.

– А может быть, тебе лучше побыстрее убраться в Лондон?

– Неужели так должен вести себя гостеприимный хозяин? – Данте встал из-за стола. – Честно говоря, я собирался уехать в Лондон уже сегодня, но попозже – после того, как получу свой выигрыш у добрых местных джентльменов. А сейчас, пожалуй, я пойду спать.

– Успокоился наконец, – растягивая слова, заметил Люсьен.

– Насколько скучнее была бы твоя жизнь, если бы мы не встретились с тобой на том давнишнем приеме, – с обычной своей наглой усмешкой сказал Данте. – Ведь правда?

– Скучно – значит спокойно, не так ли?

– Пусть будет так, раз ты этого хочешь. – Данте игриво помахал пальцем. – Но не зови меня, когда тебе надоест наблюдать за ростом травы на твоей лужайке. Слышишь ты, сын герцога? Я сделаю вид, что меня нет дома.

Люсьен рассмеялся и запустил в друга огрызком сосиски, но тот ловко увернулся.

– Только ты можешь нанести оскорбление таким словосочетанием, как «сын герцога».

– Секрет моего обаяния.

– Иди в свою спальню вместе со своим обаянием. – Люсьен вынул из кармана часы и посмотрел на них. – У меня встреча с моим деловым партнером менее чем через час.

– Фенуорти едет из Лондона в такую даль в Торнсгейт только для того, чтобы встретиться с тобой?

– Еще бы. – Люсьен поднялся и одарил Данте своим самым высокомерным взглядом, который, впрочем, был подпорчен произвольно вырвавшимся смешком. – Ты забыл, что я делаю золото из ничего? Мои вложения помогают Фенуорти быть богатым человеком. Он бы поехал к черту на рога только для того, чтобы встретиться со мной по моей

просьбе.

– Да, ты вынуждаешь людей совершать такие поступки. – Тень недоверия в глазах Данте исчезла. – Знаешь, Люсьен, я устал. Пожалуй, встречу с тобой позже, днем, когда буду готов к отъезду.

– Конечно, Данте. – И, всматриваясь в лицо друга, Люсьен добавил: – Ты и впрямь выглядишь неважно.

– Просто последствия таких излишеств, как бессонная ночь с игрой в карты и тасканием по девицам, плюс обильный завтрак. Со мной будет все в порядке. – Данте направился к двери.

– Что ты сказал? Таскание по девицам? – заинтересовался Люсьен. – Ты ничего не говорил об этом. Следует ли нам добавить еще одно очко к твоему общему счету?

Данте оглянулся, подняв в саркастической усмешке бровь.

– Только в том случае, если ты добавишь очко к своему счету. – И, сказав это, он вышел.

Люсьен продолжал смотреть ему вслед даже после того, как его друг вышел из комнаты. Действительно ли у Данте была усталость в глазах, или это ему показалось?

Люсьен подумал, что сегодня ему следует повнимательнее присмотреться к Данте до его отъезда в Лондон. И если у него не пройдет ощущение, что с другом не всё в порядке, нужно будет настоять на том, чтобы он остался на ночь.

Но ведь сегодня ночью опять должна прийти Эвелин.

Бормоча проклятия, Люсьен забарабанил пальцами по столу. Он не может попросить ее не приходить, потому что тогда она решит, что на этом их сделка закончена. А это еще далеко не так.

И все же Данте – его лучший друг. Такой же незаконно-рожденный, как и он сам, Данте был отличным партнером в безнравственных мероприятиях Люсьена. А популярность Люсьена в обществе (или, скорее, популярность его денег в обществе) позволяла Данте участвовать в карточных играх с высокими ставками, благодаря чему он получал возможность не изменять привычного для него образа жизни.

Они понимали друг друга – он и Данте. У них было слишком много общего. И ни одна женщина не должна была встать между ними.

Даже Эвелин.

Лицо незнакомца весь день не выходило у Эвелин из головы. Каждый стук в дверь она воспринимала со страхом: ей казалось, что это пришел незнакомец из Торнсгейта, чтобы разоблачить ее. Но шел час за часом, ничего подобного не происходило, и напряжение стало отпускать Эвелин. К тому времени, как они с отцом закончили вечернюю трапезу, она сумела убедить себя, что ее страх был беспочвенным.

После ужина она по обыкновению уселась со своим вышиванием у огня рядом с отцом, который читал вслух рассказ. Он читал выразительно, меняя голос под разных персонажей

и сопровождая чтение мимикой и жестами. Эвелин не могла удержаться от смеха, когда он начинал читать тоненьким голоском, изображая женщину.

Все было настолько обычным, что, если бы не едва заметные болезненные ощущения в некоторых интимных местах, Эвелин могла бы поверить, что ночь с Люсьеном Дюфероном ей приснилась.

Но это было явью. Она отдала свою невинность самому отъявленному повесе Англии. Хотя Эвелин и была благодарна Люсьену за то, что он постарался сделать этот первый для нее опыт приятным, она четко осознавала, что, если кто-то еще узнает об этом, ей конец. Она взглянула на отца, который в очередной раз сменил тембр голоса, подражая новому персонажу. Едва заметная улыбка тронула ее губы.

В этот момент дверь в гостиную открылась, и слуга объявил:

– Мистер Данте Уэксфорд.

Эвелин с любопытством подняла взгляд от вышивки, а затем окаменела, потому что в комнату вошел тот самый джентльмен, которого она видела утром в Торнсгейте.

Трудно сказать, кто был более удивлен – Эвелин или мистер Уэксфорд. Однако после того как он вдруг сбился с уверенного шага и бросил быстрый ошеломленный взгляд в ее направлении, джентльмен вновь обрел самоуверенность. Он приветствовал ее отца с непринужденной фамильярностью, Эвелин же в смятении смотрела на вышивку, не в си-

лах вникнуть в смысл дружеской беседы мужчин.

Как он ее нашел? Неужели Люсьен выдал ее? Ее нежное сердце пронзила боль разочарования.

– Разрешите представить вам мою дочь Эвелин, – услышала она слова отца, заставившие ее вернуться к действительности. – Дорогая, это мистер Данте Уэксфорд из Лондона. Мы познакомились с ним на приеме в доме Мелтона.

У Мелтона? Эвелин пытливо взглянула на склонившегося в поклоне джентльмена.

– С превеликим удовольствием, мисс Стоддарт, – сказал он с обворожительной улыбкой. Однако взгляд говорил о его подлинных мыслях.

Он знал.

Эвелин пробормотала нечто соответствующее моменту и, охваченная паникой, опустила выдававшие ее глаза на вышивку в надежде, что это выглядит не более чем девичьей скромностью.

– Я не ожидал встретить такое очаровательное создание в поместье Чезвик, – продолжил мистер Уэксфорд.

Эвелин осмыслила то, что стояло за его словами. Похоже, он не знал, что она живет здесь. Это означало, что Люсьен, по крайней мере, не назвал этому джентльмену ее имени. Ободренная этой мыслью, Эвелин взглянула на нежеланного гостя и сказала:

– И я не ожидала встретить такого человека, как вы, мистер Уэксфорд, здесь, в гостиной моего отца. Кажется, мы

оба удивлены.

– К взаимному удовольствию, я надеюсь. – Он бросил быстрый восхищенный взгляд на бюст девушки. – В сущности, я прямо сейчас собираюсь возвращаться в Лондон, однако я часто бываю в этих краях для посещения... друзей.

Эвелин прижала вышивку к груди, сдерживая порыв всадить в него иголку.

– В таком случае желаю вам доброго пути, мистер Уэксфорд.

– Что ж, спасибо, мисс Стоддард. – Язвительным изгибом губ он давал понять, что ее мысли вовсе не являются для него тайной, но это его несколько не беспокоит.

– Нам следует закончить наше дело, коль скоро вы собираетесь уехать сегодня вечером, – засуетился отец. – Надеюсь, ты извинишь нас, дочь, но мы с мистером Уэксфордом должны обсудить одно дело в моем кабинете.

Эвелин поднялась.

– Думаю, мне уже пора ложиться. – Она коснулась губами щеки отца. – Спокойной ночи, папа... мистер Уэксфорд.

– Спокойной ночи, мисс Стоддард. – Мистер Уэксфорд одарил ее понимающим взглядом. – Приятных сновидений.

Эвелин высоко подняла голову и проигнорировала его тонкую насмешку.

– Что ж, благодарю вас, мистер Уэксфорд. – Стискивая скрытые под вышивкой руки, девушка покинула комнату. Поднимаясь по лестнице в свою спальню, она могла слы-

шать, как мужчины направились из гостиной в кабинет.

Дело? Какое? Отец, очевидно, проиграл в карты мистеру Уэксфорду. А мистер Уэксфорд проник в ее тайну, что очень ухудшило положение, несмотря на все предосторожности.

Господи, вдруг он расскажет об этом отцу? Барон тогда вызовет Люсьена на дуэль, и Люсьен убьет его. Не говоря уже о том, что от ее репутации останутся одни клочья.

Прежде всего, ей нужно как можно больше узнать о мистере Данте Уэксфорде, пока еще не все потеряно.

Глава 5

Начало второй ночи во многом было таким же, как и накануне. Когда Эвелин вошла в гостиную, там вновь был накрыт ужин, а одетый во все черное Люсьен стоял у камина. Огонь от потрескивающих в огне поленьев отбрасывал мерцающие тени на стены. Эвелин откинула с головы капюшон, и услышавший шуршание материи Люсьен повернулся к ней.

Девушка в нерешительности остановилась в дверях. Он так напряженно смотрел на нее, что, казалось, воздух сгустился, и стало трудно дышать.

Эвелин было не по себе от мысли, что она влюбляется в него.

Верх глупости – отдавать сердце такому негодяю, как Люсьен Дюферон. Она знала, что в него влюблялись многие женщины, при этом каждая считала, что является единственной, заслуживающей его вечной преданности. И у Эвелин не возникало сомнений относительно того, что едва ли он помнит их имена.

Она не пара ему, не стоило даже надеяться, что ее нежное девичье сердце сможет победить в борьбе с иссеченным шрамами и огрубевшим сердцем этого негодяя. Однако как же ей хотелось хотя бы попытаться сделать это.

Не торопясь, размеренным шагом Люсьен подошел к ней. Учатившийся пульс лихорадочно бился в жилах Эвелин.

Она знала, что сейчас должно случиться. Она помнила вкус его поцелуя, прикосновение его рук.

Она знала, какое наслаждение ожидает ее в предстоящие ночные часы.

– Значит, я не напугал тебя? – с дразнящими нотками в голосе промолвил Люсьен, поглаживая пальцами узел ее волос. – Я думал, что ты вряд ли придешь после всех наших проделок накануне.

Щеки Эвелин запылали.

– Я не боюсь тебя, Люсьен.

– Неужели? – с тихим смехом поинтересовался он.

Она вскинула брови.

– После той ночи меня вряд ли сможет шокировать что-либо еще.

Люсьен понимающе улыбнулся.

– Ты уверена?

От этой улыбки ее охватила дрожь возбуждения.

– Честно говоря, я ни в чем не уверена, когда дело касается тебя.

– Хорошо. – Он распустил завязки ее плаща и снял его с ее плеч. – Потому что я хочу, чтобы сегодня ты была обнаженной.

Эвелин попыталась сохранить самообладание.

– Я же уже была с тобой обнаженной.

– Всю ночь. – Темные порочные глаза Люсьена блестели. Он скользнул за ее спину и начал развязывать шнуровку

и расстегивать пуговицы ее одежды со скоростью, которой могла бы позавидовать самая опытная служанка. – Всю ночь, Эвелин, – повторил он, покусывая губами ее ухо, щекоча горячим дыханием ее шею. – Ужинать. Спать. Заниматься любовью. Обнаженной... все время.

– Ужинать... – Эвелин каким-то чудом удалось сдержать дрожь.

– Ты будешь ужинать обнаженной. – Бюст девушки освободился от платья, и Люсьен бесстыдно воспользовался этим. Он тут же взял в ладони ее груди, скрытые только тонкой сорочкой. – Будешь спать обнаженной. Будешь обнаженной играть в шахматы.

– Я... я не умею играть в шахматы. – У Эвелин подгибались колени. С полузакрытыми, затуманенными от его прикосновения глазами она облокотилась на Люсьена.

– Я научу тебя. – Жаркими раскрытыми губами он прижался к ее шее. – Первый ход... конь берет королеву.

Люсьен поднял ее на руки и понес наверх, в свою постель.

– Вставай, моя возлюбленная. – Прошло уже несколько часов, и Люсьен, сорвав покрывало, смотрел на беззащитное нагое тело Эвелин. – Я буду учить тебя играть в шахматы.

Щеки Эвелин покрылись румянцем то ли от нежного обращения к ней, то ли от смущения из-за наготы. Люсьен не знал ответа.

– Шахматы? Никогда бы не подумала, что такой человек,

как ты, в такие минуты может думать о шахматах.

– Почему бы и нет? – Эвелин потянулась за покрывалом в стремлении снова прикрыться, но Люсьен шуточно шлепнул ее по задку. Эвелин взвизгнула и негодуяще посмотрела на него, чем едва его не рассмешила. – Оставь в покое покрывало, бесстыдница. Разве не помнишь, что сегодня ты будешь все делаться обнаженной?

– Но... – Глаза девушки округлились, когда она осознала, что он говорит это всерьез. – Я не могу учиться играть в шахматы голый.

– Еще как сможешь, – игриво посмотрел на нее Люсьен. – Я ведь тоже голый.

Эвелин опустила глаза на его бедра, но тут же, по-видимому, испугавшись собственной дерзости, вновь перевела взгляд на его лицо.

– Я думала, ты шутишь.

Люсьен с тихим смехом сбросил с себя простыню.

– Милая моя, я никогда не шучу, если речь идет об обнаженной плоти.

Люсьен проигнорировал ее протесты, и вскоре Эвелин сидела напротив него возле камина и, нахмутив бровки, сосредоточенно рассматривала шахматную доску.

Вначале ощущавшая смущение Эвелин постепенно стала находить удовольствие в таком времяпрепровождении. Она смотрела на высвеченные огнем широкие плечи Люсьена, на его грудь с хорошо развитой мускулатурой, на склоненную

над шахматной доской голову с иссиня-черными волосами.

Эвелин не могла не удивляться тому, как быстро в их отношениях возникла непринужденность. Если бы еще два дня назад кто-нибудь ей сказал, что, сидя в обществе мужчины полностью обнаженной, она будет чувствовать себя весьма комфортно, Эвелин посчитала бы такого человека сумасшедшим.

Тем не менее, вот она здесь, учится играть в шахматы, и все ее прелести открыты его весьма неравнодушному взгляду. И это действительно несколько не беспокоило Эвелин.

Ей следовало бы сгорать от стыда. Протестовать против такой шокирующей распушенности. Но что-то внутри ее заставляло Эвелин испытывать удовольствие от того, как Люсьен пожирал ее нагое тело восхищенным взглядом. Она вдруг обнаружила, что слегка поворачивается тем или иным образом для того, чтобы подразнить его, подставляя его взору ту или иную часть своего тела. Люсьен быстро включился в игру и с понимающей улыбкой находил способы коснуться девушки – то, показывая очередной ход, накрывал ее руку своей, то ногой дотрагивался до ее ноги под маленьким шахматным столиком, то ненароком касался губами ее пальцев. К концу игры сердце Эвелин колотилось, и каждая клеточка ее тела трепетала от того, что она уже научилась распознавать как предвкушение секса.

Да, она пошла на это ради того, чтобы спасти своего отца. Но, когда Люсьен с победным криком сшиб с доски ее

поверженного короля и при этом вскочил, с грохотом опрокинув кресло, когда он взвалил ее на плечо, а затем бросил на сомканную постель как военную добычу, Эвелин поняла, что дело не только в спасении отца.

Что-то в ней жаждало познать подобное единение с женщиной. Правда, Эвелин думала, что должна научиться этому с мужем. Но сейчас, когда она уже знала, как это все происходит, она не представляла себе, что могла бы отдаваться так кому-либо другому, кроме Люсьена.

Несмотря даже на то, что Люсьен в ее жизни останется еще только на одну ночь.

«Не думай об этом».

Люсьен развел ее руки, держа за запястья, будто пресекая ее сопротивление, и страстно поцеловал ее, а Эвелин с той же страстью ответила ему. Она была готова на все.

Стремительно неслось время. Люсьен вновь поражал Эвелин знанием неизвестных ей прежде свойств ее тела. Благодаря этому мужчине за две ночи она узнала о себе больше, чем за все девятнадцать лет своей жизни.

А сейчас она лежала в его объятиях, прижавшись спиной к его груди, и смотрела, как занимается новый день. Эвелин видела, что просачивавшийся в спальню свет раннего утра становился все ярче, а это значило, что времени у них оставалось все меньше.

Она собралась откинуть покрывало, но большая рука Лю-

сьена удержала ее. Удивленная, она оглянулась на него. Он просто смотрел на нее, и его глаза были полны какими-то разноречивыми чувствами, определить которые она не смогла.

– Мне нужно уходить, – прошептала Эвелин. – Солнце встает.

Люсьен не ответил, только переплел ее пальцы со своими в молчаливой просьбе. Сердце Эвелин, казалось, таяло. О чем он думает? Почему смотрит на нее так, будто у нее есть ключ к какой-то важной разгадке?

– Ты же знаешь, я не могу остаться, – сказала Эвелин. Не отрывая взгляда от ее глаз, Люсьен поднес руку Эвелин к своим губам и запечатлел поцелуй на ее пальцах. Его глаза закрылись, длинные черные ресницы резко выделялись на фоне бледных щек, придавая лицу трогательную незащищенность.

У Эвелин перехватило дыхание. Напряжение росло, эмоциональные сети все теснее оплетали их, все ближе притягивая друг к другу. Боже, что происходит? Где тот повеса, которого она знала раньше?

Эвелин сжала его пальцы, и Люсьен вновь обратил на нее свой взор. Она могла только смотреть на него, слова, которые готовы были слететь с ее уст, она не осмеливалась произнести. Боялась произнести. Эвелин только облизнула губы. Может быть, все же сказать наконец...

Вдруг что-то дрогнуло в его лице, и взгляд Люсьена стал

отсутствующим. Он отпустил руку Эвелин, затем поднялся с кровати и взял свою одежду. Момент прошел. Теперь это был прежний равнодушный Люсьен, а тот, уязвимый, исчез, как будто его никогда и не было.

Эвелин с печальными вздохом тоже начала одеваться.

Только позже, по дороге домой, в экипаже, Эвелин вспомнила, что так и не спросила у Люсьена о Данте Уэксфорде.

Люсьен тосковал по ней.

Он посмотрел на часы. Было начало второго пополудни, и Эвелин придет еще очень не скоро. И сегодня ночью она придет в последний раз.

Он может изменить условия сделки. Может потребовать больше ночей. Неделю. Месяц. Сколько угодно – пока не надоест.

Люсьен размышлял над этим, прикидывая в уме разные возможные варианты. Он мог бы заставить Эвелин сделать это, угрожая вызвать на дуэль ее отца.

И она возненавидит его.

Устыдившись своих мыслей, Люсьен отказался от этой идеи. Эвелин не похожа на других женщин. Он не сможет принуждать ее к продолжению связи, так как слишком уважает ее.

И это больше всего удивляло его.

Нахмурившись, Люсьен начал просматривать лежащую на столе почту. Первым ему попало письмо от мачехи, гер-

цогини Хантли, которая требовала, чтобы он присутствовал на обеденном приеме в честь его отца. Это вызвало у него недоумение.

Кларисса редко писала ему; на самом-то деле ее бесил сам факт его существования. То обстоятельство, что Люсьен жил и дышал, оскорбляло ее, но она ничего не могла с этим поделать. Люсьен находил ее эгоистичной и бессмысленно жестокой. Кларисса же считала его непочтительным, бесчестящим репутацию семьи. Из-за взаимной неприязни при каждой встрече у них возникали трения.

С объективной точки зрения Люсьен понимал такое отношение Клариссы к себе. Они были женаты с его отцом всего лишь год, когда бывшая любовница, француженка Софи Дюферон, напомнила о себе герцогу с предложением отдать его пятилетнего сына в обмен на определенную сумму денег. Герцог, даже не подозревавший о существовании своего ребенка, немедленно отправился во Францию, чтобы лично увидеть мальчика.

Узнав дату рождения ребенка, герцог Хантли сразу же признал Люсьена своим сыном. Он заплатил Софи вдвое больше того, что она просила, но с условием, что она навсегда исчезнет из жизни сына. Софи не замедлила поступить именно так, и Люсьен больше никогда не видел своей матери.

Герцог забрал Люсьена в Лондон и, к ужасу молодой жены, поселил его в детской комнате своего дома. Намерение

Клариссы избавить дом от мальчика было пресечено угрозой герцога упрятать ее в глуши до конца жизни. Единственным утешением для Клариссы было то, что Люсьен никогда не сможет наследовать титул; законным наследником должен был стать ее ребенок. И год спустя она с гордостью преподнесла герцогу этого наследника – их сына Роберта.

Несмотря на то, что Люсьен рос в герцогском доме, всегда был хорошо накормлен, одет и получал соответствующее образование, холодная сдержанность его отца и откровенная ненависть мачехи не могли сделать счастливым его детство. Он надеялся поближе сойтись со своим сводным братом Робертом, но Кларисса сделала все для того, чтобы привить своему сыну враждебное отношение к Люсьену.

Герцог с самого начала дал понять, что взял Люсьена на попечение только из чувства ответственности, а не из-за отцовской любви к своему ребенку. В глазах Люсьена единственным оправданием такого поведения отца было то, что и к Роберту он относился не лучше, чем к своему незаконнорожденному сыну, и Люсьен пришел к выводу, что его отец просто по натуре равнодушный человек. Хотя Люсьену не хватало отцовской любви, тем не менее в материальном отношении он не испытывал лишений, и герцог даже оплатил его учебу в Итоне.

Когда Люсьену исполнился двадцать один год, отец подарил ему некоторую сумму, с тем чтобы он мог начать самостоятельную жизнь. Благодаря серии удачных вложений Лю-

сьену вскоре удалось утроить первоначальный капитал. Сейчас, в возрасте двадцати пяти лет, он обладал состоянием, сопоставимым с состоянием самого герцога Хантли, и это обстоятельство приводило в ярость Клариссу. Умение делать деньги и тот факт, что он был признанным сыном герцога, обеспечили Люсьену популярность в светских кругах Лондона. Из-за своих скандальных «подвигов» он получил прозвище «Люцифер», а когда он подружился с Данте, непризнанным внебрачным сыном графа, их дуэт окрестили Дьявольской братией.

Кларисса с трудом переносила все это. Каждый раз, когда им приходилось встречаться на светских мероприятиях, она проявляла холодную терпимость к присутствию Люсьена, в которой безошибочно угадывалась ненависть. Поэтому то, что она приглашала Люсьена на торжество в честь его отца, выглядело странным. Он знал, что Кларисса с удовольствием казнила бы его, если бы могла. Нет сомнений: это отец Люсьена потребовал его присутствия, а Кларисса не посмела возразить мужу.

Люсьен отметил дату торжества – впереди еще две недели – и переключился на другие письма. Взглянув на часы, определил время – около четверти второго. Как долго еще до прихода Эвелин!

В их последнюю ночь они не успели даже добраться до спальни.

В удивившем их обоих отчаянном страстном порыве Люсьен взял Эвелин прямо в гостиной, на канаве. Когда Эвелин пришла в себя, она была поражена тем, что этот выглядевший таким хрупким предмет мебели не развалился под ними.

Позже Люсьен на руках отнес ее наверх – такое волнующее ощущение, когда мужчина несет тебя на руках, как пушинку, – и все началось в очередной раз.

Потом они просто лежали в постели, и Эвелин, прижавшейся к боку Люсьена, было тепло рядом с ним. Часы внизу пробили полночь.

Пройдет еще немного времени, и Эвелин уйдет отсюда и больше никогда не вернется.

Люсьену было непривычно ощущать собственную слабость. Почему он так переживает из-за того, что их связь должна вот-вот закончиться? Раньше предметом его беспокойства было только то, насколько его любовницы удовлетворяют его в спальне и будут ли достаточно обходительны вне ее пределов.

Эвелин, конечно, нельзя считать его любовницей. У них сделка.

Которая почти подошла к концу.

Эвелин заворочалась в его объятиях и повернулась к Люсьену лицом, при этом ее шелковистые волосы мягкой волной легли на его плечо. Ее зеленые глаза все еще лучились от испытанного наслаждения, и, по мере того как Люсьен про-

должал вглядываться в нее, щеки девушки окрашивались румянцем.

Он мог бы считать себя счастливым. Их сделка обернулась приятной непродолжительной связью без слез и взаимных претензий. В поведении Эвелин было больше достоинства, чем у большинства известных ему людей, и Люсьен уважал ее за это.

Люсьен не хотел, чтобы Эвелин уходила. Непривычное для него чувство привязанности проявилось выражением озабоченности на его лице.

Он ощутил нежное прикосновение пальцев Эвелин к своему лбу и посмотрел на нее. Она мягко улыбалась ему, ее губы были дразняще изогнуты.

– Ты так хмуришься, потому что недоволен мной, да?

– Совсем нет. – Люсьен подключил свое знаменитое обаяние и, проводя пальцем по ее голому плечу, одарил улыбкой обольстителя, против которой не могла устоять ни одна женщина. – Мне было хорошо с тобой. Наша сделка оказалась удачной.

В глазах девушки что-то промелькнуло, но улыбка ее не исчезла.

– Да, это так.

Люсьен почувствовал волнение. Ему не понравилась пробежавшая по лицу Эвелин тень. Не желая портить их последнюю совместную ночь, он решил немного развеселить ее.

Обхватив Эвелин руками, Люсьен прижался небритой

щекой к ее шее.

– Люсьен, – завизжала Эвелин, пытаюсь высвободиться из его объятий. – Щекотно!

– Неужели? – Он схватил ее за ногу, которой она молотила по воздуху, наклонился к ступне и начал тереться колючим подбородком о ее стопу.

Хохочущая Эвелин в попытке выдернуть ногу перевернулась на живот.

– Так, сейчас. – Люсьен отпустил ее ногу и придавил рукой поясницу, не давая возможности отстраниться, а другой рукой начал оглаживать мягкие ягодицы. – А здесь у нас что?

– Люсьен! – Эвелин хотела вывернуться, но он наклонился и нежно поцеловал ее в поясницу. Девушка выдохнула удивленное «ах» и перестала сопротивляться.

– Так щекотно? – Люсьен продолжал целовать ее, продвигаясь вверх по позвоночнику до самой шеи.

– Нет, – прошептала Эвелин, стискивая пальцами простыню.

Люсьен встал на колени и протиснул ладони под ее груди.

– А так?

– Нет, – задохнулась Эвелин.

Одной рукой он скользнул к ее животу, приподнимая Эвелин так, чтобы она оказалась на четвереньках, и начал тереться восставшей плотью о ее ягодицы.

– А так?

– Прекрати дразнить меня, Люсьен, – взмолилась Эвелин.

– Все хорошо. – Люсьен принял удобное положение, а затем легко проник в нее и в экстазе прикрыл глаза, ощутив горячую влажность принявшего его лона! Он начал медленно двигаться, и Эвелин двигалась в такт с ним, оповещая об испытываемом наслаждении приглушенными подушкой возгласами.

Люсьен держал девушку за бедра; соприкосновение ее мягких ягодиц с его животом усиливало впечатление от чувственного трения внутри ее лона. Очень скоро наслаждение стало переполнять его. Лаская ягодицы Эвелин, Люсьен сильным толчком с хриплым криком изверг свое семя.

Через мгновение и Эвелин достигла своего пика. Ее тело затрепетало и обмякло на подушках, а его имя, слетевшее с ее губ, сменил благостный вздох удовлетворения.

Рассвет пришел слишком быстро.

С тяжелым сердцем Эвелин высвободилась из-под тяжелой руки Люсьена и поднялась с кровати, на которой они спали. Отодвинув штору, она посмотрела на появившееся на горизонте бледно-оранжевое зарево.

Первый раз в жизни Эвелин негодовала по поводу начинающегося дня.

Как они расстанутся? Неужели Люсьен опять будет холодным и отчужденным? А может быть, шутливо похлопает ее по спине или по ягодицам и поблагодарит за приятно проведенное время? Или просто распорядится подать экипаж, а

затем оставит ее разбираться со своими делами, коль скоро она уходит из его жизни?

Все в ней протестовало против этого, и Эвелин охватила паника. Боже, уже слишком поздно. Она влюбилась в Люсьена.

Глупая, глупая девчонка.

Слезы жгли глаза Эвелин, но она заставила себя не плакать. Она знала, во что ввязывалась. Бесплезно плакать из-за того, что ее нравственное падение связано с любовью к человеку, не способному на ответное чувство. Эвелин смотрела, как занимается рассвет, и вспоминала однообразно прожитые одинокие годы своей жизни.

Люсьен просыпался медленно со смутным ощущением какого-то непорядка. Постель показалась ему холодной и пустой. Открыв глаза, он увидел стоявшую у окна Эвелин. Первые лучи восходящего солнца отсвечивали на ее прекрасном теле розовыми сполохами, а ее длинные светлые волосы казались темно-золотистыми. Пухлая нижняя губа девушки дрожала. Она прикусила ее, затем опустила голову и отвернулась от поднимающегося солнца, будто ей было невыносимо смотреть на него.

Восход.

Люсьен сел в кровати. Эвелин уходит. Три их ночи, закончились.

Движение привлекло внимание Эвелин, и она замерла, как кролик, прислушивающийся к шагам охотника. Ее глаза

казались огромными, и слишком быстрая смена чувств, отразившаяся в них, помешала Люсьену определить ее настроение.

У Люсьена защемило в груди, и он сжал кулаки, комкая простыни. Ему хотелось затащить ее обратно в постель и остановить время. Он не хотел, чтобы Эвелин уходила.

– Начинается новый день, – прошептала она.

Для Люсьена эти слова прозвучали как удар хлыста. Если бы он мог задержать восход солнца! Пусть это мгновение длится вечно.

Люсьен не мог остановить время. Но он мог украсть у него еще хоть немного.

Люсьен протянул руку к Эвелин. Некоторое время девушка постояла в нерешительности, затем бросилась к кровати и упала в его объятия. Их губы слились в отчаянном жарком поцелуе. Момент их окончательного расставания приближался с каждой секундой.

Люсьен ласкал руками тело, которое он успел так хорошо изучить, пользовался этим знанием для того, чтобы разжечь в Эвелин желание. Он хотел, чтобы она сходила с ума от желания, стонала, произнося его имя.

Он хотел... всего.

Эвелин отвечала такими же ласками, пытаясь, как он учил, довести его до болезненного возбуждения. Ее губы были повсюду, маленькие руки жадно теребили и гладили его плоть. Это было состязание в том, кто кого больше возбудит,

и каждый при этом сходил с ума от желания отдаться другому.

Мягкие губы Эвелин сомкнулись вокруг его возбужденной плоти, и у Люсьена от наслаждения закатились глаза. Это слишком хорошо. И слишком быстро. Он позволил себе еще несколько секунд удовольствия, а затем, пересилив себя, запустил руку в волосы Эвелин и оторвал ее жадный рот, прежде чем она довела его до пика.

Эвелин бросила на Люсьена понимающий взгляд из-под полуприкрытых век, затем вдруг наклонилась и лизнула его в последний раз, что вызвало дрожь в его теле.

– Распутница, – пробормотал Люсьен и приблизил ее лицо к своему. В ее глазах вспыхивали шаловливые искорки.
– Хочешь поиграть, да?

Эвелин только улыбнулась, наверное, той же улыбкой, что заставила Адама принять проклятое яблоко от Евы.

Как тут винить того беднягу? Люсьен сам был готов дать возлюбленной все, чего бы она ни пожелала. Однако тиканье часов напомнило ему, что у него нет времени на исполнение ее капризов.

Эвелин может покинуть его, но пусть его повесят, если она забудет его.

Люсьен перевернул девушку на спину, вытянув ее руки над головой, и без особого труда удерживал их в этом положении, несмотря на ее попытки освободиться. Зажав ее маленькие запястья одной рукой, другую он протиснул меж ее

ног и начал ласкать ее там.

Эвелин тихо застонала от удовольствия, и ее колени раздвинулись. Люсьен тут же воспользовался этим и быстро разместился между ее бедрами, однако подавил желание сразу же войти в нее. Девушка источала пьянящий аромат готовности, который возбуждал Люсьена, и он распознавал нежный призыв в ее взгляде. Но он хотел, чтобы в этот последний раз они сходили с ума от желания и чтобы, когда он наконец возьмет ее, их затопило наслаждение, заставившее забыть обо всем на свете.

Заставившее забыть, что это их последний раз. Люсьен поцеловал ее. У него закружилась голова, когда Эвелин ответила на его поцелуй так, как он ее учил, его пальцы ласкали так, как ей нравилось. Она выгибала бедра в молчаливой мольбе, но он знал, чего добивался. Когда он отпустит ее, это будет нечто такое, чего она никогда не сможет забыть. Никогда. Люсьен пощипывал губами шею Эвелин, ее ухо.

– Произнеси мое имя, – потребовал он.

– Люсьен. – Из ее горла вырвался сдавленный стон, когда его губы нашли ее сосок. – О Боже, Люсьен!

– Скажи, кто это делает с тобой, – пробормотал Люсьен. Что-то непристойное было в том, что он требовал от нее подтверждения, признания того, что она знает, благодаря кому испытывает такие ощущения. – Кто ласкает тебя? Кто целует тебя?

– Люсьен, – задыхалась Эвелин. – Только ты.

– Только я, – согласился Люсьен. Ее мягкие бедра терлись об его до боли возбужденную плоть, и он чуть не утратил контроль над собой. Он шумно выдохнул и, стиснув зубы, постарался успокоиться, напоминая себе о том, что собирался сделать.

Да, он должен сделать это. Должен сделать так, чтобы у них обоих навсегда осталась память об этом.

Люсьен поцеловал ее грудь, и Эвелин, выкрикнув его имя, выгнула спину. Он же продолжал ласкать ее внутри, подводя все ближе к пику. Люсьен пальцами ощутил пульсацию ее мышц и резко прекратил ласку, поскольку, по его мнению, ей еще рано было доходить до верха наслаждения.

Эвелин с протестующим стоном сразу придвинула бедра к его руке.

– Не сейчас. – Люсьен с улыбкой поцеловал ее в губы и посмотрел в затуманенные страстью глаза. – Доверься мне.

Эвелин кивнула и когда он возобновил ласку, всхлипнув, прикрыла глаза.

Люсьен еще дважды подводил девушку к самому краю, и каждый раз ему приходилось подавлять собственное желание, что ему едва удавалось. Он с трудом сдерживал себя. Его сердце отчаянно колотилось в груди, спина и лоб покрылись потом, все тело дрожало от напряжения.

Наконец Люсьен понял, что больше не в силах сдерживать себя. Его тело уже не подчинялось его воле и само искало желаемого, хотел он этого или нет.

Люсьен отпустил запястья девушки, и она обвила руками его шею. Он просунул локти под ее колени, подняв и широко расставив ее ноги, и еще некоторое время изводил себя и ее тем, что терся плотью о вход в ее горячее, влажное лоно.

– Будь ты проклят, Люсьен, – пробормотала Эвелин. Она вцепилась в его волосы и, требовательно глядя в его глаза, произнесла: – Возьми меня, пока я не умерла от желания.

Ее требование сокрушило последние остатки его самообладания. Слившись с Эвелин в поцелуе, Люсьен одновременно вошел в нее мощным толчком.

Эвелин вскрикнула и выгнулась дугой. Она была так возбуждена, что сразу же вознеслась на вершину. По ее телу волнами прокатилась дрожь, и она прижалась к Люсьену, сжимая в кулачках его волосы.

Люсьен шире раздвинул ее ноги, пытаясь еще глубже проникнуть в трепещущее лоно. Глубже. Сильнее. Вот так, а теперь вот так. В быстром темпе. В медленном темпе. Ему хотелось, чтобы это никогда не кончалось. Но достичь собственного наслаждения ему все не удавалось.

Повторяя его имя, Эвелин двигала бедрами навстречу его толчкам, помогая ему проникать все глубже и глубже, сжимала мышцы вокруг его плоти. Она кусала его за ухо, обнимала его и, когда испытывала уже второй оргазм, впиалась в его спину ногтями.

Наконец Люсьен тоже достиг пика. С громким криком он излил свое семя в ее лоно, наслаждение вытеснило из его

мозга все мысли, кроме мысли о ней.

– Эвелин, – прошептал Люсьен, прижимая к себе возлюбленную, в которой все еще оставалась его содрогавшаяся плоть. – Эвелин!

Глава 6

Эвелин проснулась от голосов переговаривающихся где-то внизу слуг. Она поплотнее завернулась в простыню и еще теснее прижалась к лежащему рядом с ней большому теплому телу, уткнувшись носом в шею Люсьена. Еще рано вставать. Ведь так хорошо лежать здесь...

Утро! Эвелин моментально раскрыла глаза и рывком приподнялась на кровати. Комната была залита солнечным светом. Со двора доносились цокот лошадиных копыт и позвякивание сбури. За дверью спальни раздавались шаги – это слуги в холле выполняли свою ежедневную работу.

– О нет! – В панике Эвелин соскочила с кровати, захватив с собой простыню, чтобы прикрыться, и поспешила в направлении бюро Люсьена. Трясущимися руками она схватила его карманные часы и открыла их.

Рассвет наступил более часа назад.

– Если тебе нужны деньги, то просто попроси, – раздался с кровати приглушенный подушкой голос Люсьена. – А часы я бы оставил себе, если ты не против.

– Я проспала! – Эвелин положила часы на бюро и в спешке стала собирать свое разбросанное белье. – Солнце взошло. Слуги в доме. Отец, наверное, уже проснулся! – Она сбросила простыню и, подобрав с пола сорочку, стала торопливо ее натягивать, с трудом попадая в рукава непослушными

руками.

– Слуги будут молчать, они дорожат своей работой. – Люсьен сел и потянулся, не тревожась о своей наготе. – А твой отец, вероятно, еще сидит за карточным столом.

– Что за гадкие вещи ты говоришь!

Брови Люсьена поползли вверх, и его лицо приняло уже хорошо знакомое Эвелин насмешливое выражение.

– Посмею напомнить тебе, дорогая моя Эвелин, что именно пагубная страсть твоего отца к игре привела тебя сюда, не так ли?

Разгладив складки сорочки на бедрах, девушка откинула волосы с лица и посмотрела на Люсьена.

– А я думала, виной всему твоя страсть к дуэлям.

– О нет. – Люсьен встал и подошел к креслу, на котором оставил свою одежду. – До сих пор мы не лгали друг другу, Эвелин, так что нет смысла сейчас начинать делать это.

– Лгать? – Эвелин стянула волосы на затылке лентой, которую нашла на шахматном столике. – Давай поговорим о лжи, Люсьен. Как насчет твоего обещания не говорить никому о нашей связи?

Натягивавший брюки Люсьен нахмурился.

– А я и не говорил никому.

– Тогда кто такой мистер Данте Уэксфорд? – Эвелин отыскала свое платье на стуле. – Как могло получиться, что на днях он приходил к нам домой и намекал, что все знает о нас?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Он приходил позавчера вечером. – Эвелин удалось самостоятельно надеть платье, но она поняла, что без посторонней помощи не справится с застежками. – Он, очевидно, выиграл какую-то сумму у моего отца.

– А-а, – улыбаясь, Люсьен потянулся к рубашке. – Тогда это все объясняет. Его визит не имеет ничего общего с нами.

– Еще как имеет! – Размахивая тувелькой, которую она выудила из-под кровати, Эвелин другой рукой придерживала незастегнутое платье. – Он очень нагло флиртовал со мной. А взглядом дал понять, что ему все известно.

– Не будь смешной. – Люсьен повернул ее спиной, чтобы застегнуть платье. – Данте флиртует со всеми женщинами. Такой у него характер.

– Он видел меня в то утро, – напомнила она.

Люсьен вздохнул:

– Да, видел.

– Он не спрашивал, кто я? Ты не говорил ему, как меня зовут?

– Нет, я не называл ему твоего имени! – В голосе Люсьена появилось раздражение. Он застегнул последний крючок и отошел в сторону. – Не будь глупой. Я же говорил тебе, что наш уговор останется между нами.

– Глупой? – Эвелин повернулась к нему. – Он твой, друг. Неужели ты хочешь, чтобы я поверила, будто ты ничего ему не сказал?

– Я ничего не говорил. И не смей сомневаться в этом. – Люсьен взял ее за плечи. – Понимаю, что ты, расстроенная нашим расставанием, хочешь скрыть это и пытаешься найти какие-то другие причины, объясняющие твое настроение.

– Ты – самонадеянное ничтожество! – Эвелин стряхнула его руки с плеч. – Мне нет нужды искать что-то. Подумай, в каком положении мы оказались. Если бы ты был джентльменом, то не стал бы требовать такую цену за жизнь моего отца.

Люсьен напрягся, его глаза полыхали едва сдерживаемой яростью.

– Прежде всего причиной вызова на дуэль было поведение твоего отца. Ты забыла, что он подверг сомнению мою честь?

– А ценой твоей чести стала моя.

– Не смей обвинять меня в том, что произошло между нами, – раздраженно сказал Люсьен. – Это ты пришла ко мне. Ты приняла мои условия.

– А моим условием было соблюдение абсолютной секретности. Но твой мистер Уэксфорд все испортил.

– Так же, как я испортил тебя? – съехидничал Люсьен. – Пора быть взрослой, Эвелин. Я не принуждал тебя ложиться в мою постель. Ты сделала это по собственной воле.

У Эвелин вспыхнули щеки, но она гордо вздернула подбородок:

– Да, я сделала это. И сделала бы снова, чтобы спасти жизнь отца.

– О, замечательно! – зааплодировал Люсьен, откровенно

насмехаясь над ней. – Давай, давай, играй обманутую, наивную, невинную Эвелин. Бедную девочку, которая принесла в жертву свою невинность животному, чтобы спасти жизнь своего дорогого отца. – Он подошел к стоявшему неподалеку низкому столику и взял с него небольшую деревянную шкапу. Открыв ее, Люсьен извлек небольшую пачку бумаг. – Вот за что ты продала себя, моя дорогая. Расписки твоего отца на общую сумму более трех тысяч фунтов.

Эвелин до боли сжала кулаки, слова Люсьена нестерпимо ранили ее.

– Как ты мог сказать такое?

– Как я мог сказать правду? – жестко усмехнулся Люсьен. – Я всегда знал, моя дорогая, что любой человек имеет свою цену, а особенно женщины. – Он подошел к Эвелин и слегка провел по ее лицу и шее зажатými в кулаке бумагами. – Я благодарен тебе за то, Эвелин, что ты была честна в определении своей цены. Проведенное с тобой время было... приятным.

Его слова отозвались острой болью в сердце Эвелин. Он выставил ее проституткой, отдавшей ему свое тело за деньги.

Но разве это не так?

У Эвелин в горле стоял ком, она изо всех сил сдерживала слезы. Как он смеет насмехаться над ней, умаляя сделанное ею во имя спасения жизни отца?

– Ты отвратительный человек, – прошептала Эвелин.

– Наконец-то и ты сказала правду! – Люсьен приблизил к

ней свое лицо. – Возьми расписки своего отца, Эвелин. Сделка завершена.

Стараясь по-прежнему держаться прямо, Эвелин вырвала бумаги из его руки.

– Распорядись об экипаже.

Люсьен отступил назад и отвесил насмешливый поклон:

– Как миледи будет угодно.

Проигнорировав его выходку, Эвелин отвернулась и занялась поиском второй туфельки.

Люсьен постоял еще некоторое время, затем резко повернулся, подошел к двери, распахнул ее и вышел.

Со стуком закрывшейся двери спало напряжение, которое позволяло Эвелин контролировать свои чувства. По щекам ее струились не сдерживаемые уже слезы, когда она бережно прятала расписки отца и надевала туфли и плащ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.